

Сергей Фомичёв

Сергей Фомичёв

Сон Ястреба. Мещёрский цикл

«Издательские решения»

Фомичёв С.

Сон Ястреба. Мещёрский цикл / С. Фомичёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-013901-9

Четвёртый и заключительный роман Мещёрского цикла. Действие происходит отчасти в Мещере, где внезапно сошлись дорожки гасконских моряков и арабских шпионов; отчасти в болотах Керженского края, куда стекается нечисть; отчасти в Константинополе, где собираются политики многих земель, дабы интригами и золотом поставить на Русь своего митрополита. Все дороги ведут в Рим, гласит поговорка, а Римом той эпохи являлся Константинополь. Он уже вошёл в стадию упадка. Однако это понимают немногие.

ISBN 978-5-04-013901-9

© Фомичёв С.
© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	6
Глава I. Город	7
Глава II. Игра	11
Глава III. Тайное братство	16
Глава IV. Посольский двор	21
Глава V. Скука	25
Глава VI. Серебро	29
Глава VII. Нимфей	31
Глава VIII. Патриарх	35
Часть Вторая	40
Глава IX. Купец	40
Глава X. Чародей	42
Глава XI. Ромка	48
Глава XII. Тарко	52
Глава XIII. Артель	54
Глава XIV. Поход	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сон Ястреба Мещёрский цикл Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2016

© Наталья Торопова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая

Северный ветер

Мещера – край преимущественно лесной. Но вековые леса только покров. Под ними скрывается иное богатство, которому обитатели Мещеры не придают должного значения. Слишком уж его много. Вода. Обширные болота, многочисленные озёра, речушки, рукава и старицы великой реки. Край пропитан влагой насквозь.

Огромные запасы воды хранятся в природных мехах, укрытых от солнца зарослями и мхами. Но приходят дни, когда становится особенно жарко. Сырая земля парит отдавая небу излишки влаги. Леса окутывает туман. Над Мещерой собираются облака. Они кружат над краем, дожидаясь северо-восточного ветра, что приходит сюда с Ветлуги.

Холодный поток сбивает их в громадные табуны и гонит в дальнее странствие. Облака минуют леса и степи, проплывают над морем и в конце пути проливаются обильными дождями на Византию.

Кекий. Так называли благодатный ветер древние эллины. Так до сих пор зовут его и византийцы. Ветра из неизвестной страны ждут с нетерпением, молят о нём небеса, изображают богом плодородия в росписях и в камне. От животворного воздушного потока во многом зависит изобилие имперских полей и пастбищ. Оливковые рощи, виноградники, поля и луга впитывают в себя далёкую мещёрскую влагу, превращая её в достаток или в товар.

Глава I. Город

Константинополь. Июль 6861 года

Жара к вечеру так и не спала, лишь пекло сменилось влажной духотой, которая насытила воздух сверх всякой меры. Потело море, потела земля, потели камни городских стен. Отстоявшие смену копейщики спешили в башню получить от десятника чарку вина и залечь в каменных норах.

По гребню стены, примыкающей к воротам Палация, неспешно прогуливались два портовых чиновника. Им следовало бы находиться внизу у пристани, но стене доставалось чуть больше прохлады от лёгкого ветерка, а ни один корабль в государствену гавань за весь день так и не вошёл.

Льстивый закат угодливо раскрасил Влахернский дворец цветами империи. Цветами войны и богатства. Багряного было больше. Нехватку позолоты восполнял похожий на огромную реку залив. Водная рябь словно дробила слиток солнца на множество монет. Золотой Рог оправдывал своё название.

Чиновники любовались красотами уходящего дня, стараясь не заглядывать слишком круто вниз, где грязная вода отрывалась на берег вековой мусор, серую пену, ошмётки гниющего неподалёку имперского флота, чтобы со следующей волной поглотить всё это обратно.

Толстый грек Хрисантос по прозвищу Златопузый был начальником портовой службы. Его нового помощника звали Драган. Молодой серб принадлежал к той поросли чиновников, что появилась в Константинополе каких-то десять лет назад и энергично перекупала мелкие должности, утратившие вместе с доходностью и привлекательность для коренных византийцев.

Империя гнила вместе с кораблями, с той лишь разницей, что собственного разложения предпочитала не замечать. Но запах тлена разносился далеко, привлекая падальщиков со всех концов света. Они собирались в стаи и терпеливо ждали конца.

Чиновники оживились, когда из Золотого Рога в Влахернскую гавань завернули одна за другой две вёсельных ладьи. Серб и грек поспешили вниз. Надежда скользнула по хмурым лицам – вдруг да занесло шального купца, и хоть под вечер да улыбнётся удача, и звякнут в тощих кошельках заветные флорины.

С тех пор, как вся торговля в империи отошла латинянам, редкий купец вставал у государевых причалов. И генуэзцы, и венецианцы, и пизанцы, и флорентийцы имели порты возле собственных кварталов и городов, где людей императора встречали пиками и дубинками. Времена нынче такие, что впору задуматься, а почему собственно империя до сих пор не рухнула, обескровленная торговыми договорами, и какого такого особого приглашения дожидаются подлинные хозяева жизни.

Корабли пристали, и оба чиновника разочарованно выдохнули. Из ладей, словно горох, посыпались монахи. Один, второй, третий, дюжина, две... Шатаясь от усталости, на пристань выбрался священник. Вслед за ним сошёл дьяк и немолодой уже человек в греческом одеянии.

Паломники. Или посольство церковное. Обычное для империи дело, дохода, однако, не приносящее. С божьих людей брать не велено, да и нечего. Пара монет с капитанов за стоянку кораблей – вот и всё, что пойдёт в казну. Мошна же чиновников останется пустой.

Златопузый досадливо плюнул и отправился в башню допивать с начальником стражи дешёвое кислое вино. Серб же подошёл к молу. Он служил не только и не столько императору

Кантакузину, сколько своему кралю Душану, и любая новость могла оказаться полезной для дела.

Монахи выгружали грязные засаленные мешки, взваливали друг другу на спины. Ни разговоров, ни приказов, одно лишь пыхтение – их ноша казалась тяжёлой даже со стороны.

Молодой чиновник собрался было подойти к священнику, спросить о содержимом мешков, но, взглянув ещё раз на затрапезный вид гостей, махнул рукой. Северяне. Русские. Они платят дань степному царю, но упорно держатся ромейской веры. Странные люди. Гордые и покорные одновременно.

Вовсе не так следует заботиться о вере. Молитвы молитвами, но греческие руки ослабли, и давно нуждаются в смене. И краль Душан вряд ли будет смотреться на византийском троне хуже любого другого. Ибо хуже просто некуда.

Неискушённый в мореплавании Алексей выдержал переход с великим трудом. Море, хоть и не буйствовало, умудрилось высосать силы без остатка. Оно уже покушалось на разум, и только длительные молитвы позволили сохранить священнику ясность ума.

Алексия шатало. Зелёное опухшее лицо, дрожащие руки превратили его в старика. Малейшее колыхание палубы уже прибитого к берегу корабля всё ещё представлялось падением в бездну.

Однако земная твердь под ногами быстро привела его в чувство. От недомогания не осталось следа, хворь улетучилась вместе с болезненным цветом лица. Сила вернулась, туман рассеялся. Не успели монахи закончить разгрузку, как перед ними возник прежний Алексей. Жёсткий и властный.

Священник перебрался с пристани на усыпанную камнем набережную. Вдохнул полной грудью, взглянул сурово на молодого чиновника, который хоть и выдержал взгляд, но поубавил презрения. Взмах владычной руки, и несколько десятков монахов, сгибаясь под тяжестью ноши, потянулись змеей к воротам.

Стражникам не было дела до нищих монахов, тем более, что стены возобновили далеко не везде, и при желании любой мог найти лазейку. Посольство пропустили через ворота без лишних расспросов.

Вечный Город поразил Алексию небывалым упадком. Вечность здесь ощущалась в самой страшной своей ипостаси, а именно в смерти. Викарий знал, что городом долгие годы владели крестоносцы, но такой разрухи не ожидал. В наступающих сумерках по обе стороны от мостовой зияли провалами стены домов. Кварталы походили один на другой своей крайней запущенностью.

Дорогу показывал Михаил Щербатый, прозванный на Москве Гречином за то, что большую часть жизни провёл здесь в посольских делах, а так же за привычку даже в Москве носить греческое платье.

– Тут дворец-то с трудом починили, – пояснил он. – Стены внешние и то ещё не везде поставили. А простые дома, кого они волнуют? Хорошо, если сановник богатый живёт. Тот на собственные средства строится, а беднота и торговцы мелкие так в развалинах и живут, или хижинки убогие возводят. Разве что Меса по-прежнему блистательна.

Щербатый махнул рукой.

– Да что дома. София – и та починки требует. Того и гляди, своды обвалятся.

Алексий слушал посла вполуха. Гречин болтал от возбуждения, вызванного возвращением в столицу, а священник готовился в мыслях к предстоящей борьбе.

От ворот Палатия до русского подворья монахи шли с молчаливым упорством хорошо навьюченных верблюдов в караване богатого купца. Но и теперь на них мало кто оборачивался. Для столицы империи эти новые обитатели являлись не более чем пылинками на ветхих одеждах умирающего старца.

Вспомнив презрение чиновника, Алексий усмехнулся. Товара на кораблях действительно не было, но это вовсе не означало, что он прибыл в Константинополь с пустыми руками. В мешках лежало русское серебро. То самое, собранное с сотен городов, якобы на выход орде, серебро. То самое, что годами копилось в сокровищнице Богоявленского монастыря, ожидая своего часа.

Дождалось.

– Чем удобно паломниками идти, что церемоний лишних не нужно, – продолжал Гречин. – Вот когда мы в прошлый раз с Семёновыми послами прибыли, так помучились. Всё по особому распорядку должно у них быть. Вперёд человека послать требуется. Затем принять на корабль провожатого из ближних людей василевса, только тогда подходить к пристани.

На берегу опять же охрана особая, приветствия, речи... Короче говоря, день уходит только на въезд.

Русское подворье встретило посольство запустением. Давно уж не вставали здесь торговые ватаги с Борисфена, что, получая от властей месячину, позволяли подворью существовать. Лишь священники и паломники, застигнутые темнотой, изредка просили ночлега, чтобы утром уйти на Афон, или ещё в какие-нибудь святые места. Но и они, коротая путь, всё чаще пробирались морем.

С нынешними гостями получилось иначе. За стенами убежища смиренный вид монахов сменился деловой сосредоточенностью. Вместо того, чтобы приняться за молитву, а затем поужинать и отдохнуть с дороги, иноки скинули груз и начали примерять на себя мирское платье.

Алексий не желал терять понапрасну время. Короткий разговор с присматривающим за подворьем дьячком убедил викария, что тот худо разбирается в местных делах. Из Щербатого он уже выжал по пути всё, что смог. Гречин хоть и многое знал, но привык к обычной, степенной работе. Алексий же чувствовал нутром, что просто так ему должность не получить. Придётся драться.

– Мне нужны сведения, – объявил он печатнику. – Точные, свежие и как можно быстрее.

Приказ не стал для Василия неожиданным. Получив его короткое наставление, монахи рассыпались по ночному городу.

Измотанные переходом гребцы быстро прикончили ужин и завалились спать. Темнело. Бросив за спину полупустой мешок, Скоморох попрощался с ладейным старшиной и перешёл на пристань. Тело ломило от тяжёлой вёсельной работы, но на отдых он времени пожалел. Уже сегодня хотелось подобраться к врагу поближе.

– Мы уходим завтра, после полудня, – бросил вслед старшина. – Возвращайся, если желаешь.

– Спасибо, – махнул рукой новгородец. – Боюсь, моё дело протянется дольше.

Разминая на ходу мышцы, он не спеша побрёл к башне. Оживление, вызванное приходом кораблей, давно утихло. Приоткрытые ворота выглядели пустыми. Стражники, оставив возле створок единственного копейщика, разошлись. Кому есть дело до одинокого путника с тощим, как он, сам мешком за спиной?

Оказалось, что есть. Через несколько шагов новгородец вдруг наткнулся на хмурый взгляд молодого чиновника.

– Ещё один нищий с севера, – буркнул серб.

Буркнул по-русски, с явным намерением задеть гостя, выместив, видимо, досаду за скудный доход.

– Ты верно и сам небогат, раз замечаешь нищих, – не без вызова ответил Скоморох. – А богатых не жди, в мёртвый город они не приходят.

Новгородец двинулся дальше. Пожав плечами, чиновник направился следом. Его работа на сегодня закончилась.

Огромный город не поразил Скомороха ни размерами, ни былой роскошью, ни даже разрухой. Лишь вызвал досаду, какая иной раз возникает от лицезрения чужого упадка. Со стороны всякому кажется, что исправить положение легче лёгкого, достаточно захотеть. Будто бывшее величие способно возродиться одной только волей кучки людей.

Впрочем и эта непрошенная мысль задержалась в его голове лишь на короткий миг. У Скомороха была цель, о ней только и следовало думать.

Созерцание развалин, запущенных садов и грязных улиц направило мысль в более приземлённое русло. «Есть, где укрыться», – отметил Скоморох. В русское подворье ему соваться не след. За паломника-то он легко бы мог себя выдать, но как провести Алексея? Обладая цепкой памятью, тот наверняка узнает бывшего товарища Калики. А узнав, задумается. Так что лучше наблюдать за монахами исподволь. И ждать удобного для расплаты часа.

В двух кварталах от логова викария, ему приглянулись густые заросли. То был запущенный сад, в тени которого некогда отдыхал какой-нибудь имперский сановник. В глубине зарослей белели камнем останки большого дома. Но Скоморох не стал искать крыши. Ночная прохлада ещё не переборола зной и обыкновенная трава показалась ему царским ложем.

Глава II. Игра

Несколько дней монахи почти не спали, прочёсывая город в поисках слухов, сведений, намёков. Они меняли одежды, причёски, учили на ходу языки, уходили с подворья то богатыми купцами, то грязными нищими. Русское серебро превращалось в выпивку, выпивка в знакомства, знакомства в слова. Среди сплетен и пустой болтовни попадались и ценные сведения.

Алексий уже побывал в Софии, во Влахернах, в нескольких монастырях и храмах помельче. Он договорился о приёме у патриарха, хотя печатник заявил, что Каллист будет занят другими делами ещё неделю.

Отсрочка вполне устраивала Алексия. Он торопил монахов, ибо соваться к властителям намеревался только имея чёткое представление о жизни имперской столицы.

Это на Руси, вернее только на Москве, его назначение не вызывало сомнений. Здесь же слово предшественника было почти пустым звуком. Ещё год назад, провозглашая Алексия своим преемником, Феогност особо предупреждал:

– Главная загвоздка – твоё русское происхождение. Как преодолеть эту препону, я не знаю. Тебе придётся выдумать что-нибудь самому. Не все митрополиты и епископы выступают против местных соискателей, есть и такие, кто поддерживает нас, но их, к сожалению, мало. Я дам тебе имена людей, к которым ты сможешь обратиться за помощью... Особенно запомни одно имя – Георгий Пердика. Он занимается русскими делами и сочувствует Москве. Но имей в виду: Византия – страна лживая и коварная. Нельзя верить словам, нельзя верить улыбкам. И вчерашний друг запросто обернётся врагом.

Митрополит знал о чём говорил, ибо сам был уроженцем Константинополя.

– Первым делом следует выяснить, какое из течений будет находиться у власти, – наставлял Феогност, – паламиты или варлаамиты. Здесь легко попасть впросак, так что будь осторожен.

О диспутах вокруг учения Григория Паламы, на которые поначалу собиралась вся столица империи, Алексий знал лишь в общих чертах. И Киев, и Москва были слишком далеки от войны иерархов, что позволяло местным священникам не высказываться ни в чью пользу.

Однако Алексию, коли он намеревался стать митрополитом, предстояло рано или поздно сделать выбор. И тут для него таилась немалая опасность. Объявишь себя паламитом, подпишешь пресловутый Томос, а ну как завтра к власти придут сторонники Варлаама. Война-то ещё не закончилась, всякое может быть.

Не менее важно и то, какая династия, и даже какой её представитель будет занимать императорский престол. Власти гражданские зачастую имели больший вес в церковных назначениях, чем сам константинопольский патриарх. И тут подписанием Томоса и признанием учения не обойдёшься. Тут нужны деньги, и большие.

Алексий в который раз похвалил себя за то, что долгие годы копил потихоньку в сокровищницах и ризницах серебро, но пожалел, что не уделял далёким царьградским делам должного внимания. За пару лет можно было успеть подготовить благодатную почву. Заручиться связями, приобрести друзей, досконально разобраться в здешней политике. Сейчас же он больше напоминал деревенского парня, сунувшего нос в дворцовую поварню.

– Что скажешь? – спросил Алексий печатника. – Есть ли какие-то силы, способные помочь или помешать делу?

– Какие-то? – усмехнулся Василий. – Да тут их кишит, что червей на падали.

От возбуждения он впервые позволил себе подобную вольность в разговоре с хозяином. Алексей, чуть нахмутив бровь, быстро вернул печатнику прежнее раболепие. Тот продолжил доклад сугубо деловым голосом:

– Не считая религиозных партий, в первую голову следует присмотреться к Иоанну Палеологу, зятю и соправителю нынешнего императора, отстраненному им от власти. Палеолог скрывается где-то на островах и собирает вокруг себя недовольных. Пожалуй, из всех соперников нынешней власти этот самый серьезный.

Далее – Трапезунд. Он обложен агарянами со всех сторон и, поговаривают, давно платит дань султану. Тот до поры терпит христианские власти, но вертит ими как хочет. Игрущей этой империей заправляют Ангелы. Они уже не те, что прежде, и полагаю, никак не помогут нам.

В самом Константинополе большую власть взяли генуэзцы, им на пятки наступают венецианцы, пизанцы и прочие латиняне. Год назад они даже схлестнулись между собой. Говорят вышло большое морское сражение. На этих нам рассчитывать не стоит. Они, конечно, готовы поддержать всякого, у кого есть чем заплатить. Однако требуют в уплату не столько серебро, сколько преимущества во внутренней и внешней торговле. Посему их больше прельщают претенденты на трон, нежели священники.

Из внутренних врагов императора следует отметить остатки зилотов – городской и сельской черни, что однажды успешно захватили власть в Фессалониках. Сейчас они распылены и слабы, но кто знает, как повернется завтра. Кроме того, в Афинах укрепились альмугавары – каталонцы. С этими пока непонятно. Попробуем разузнать.

Из внешних врагов, помимо латинян, наиболее сильны турецкий султан Орхан и сербский король Душан. И тот и другой имеют виды на Царьград, что не мешает их людям занимать должности при нынешнем императоре. Душан вместе с болгарским братом своим вроде бы раньше держали сторону Иоанна, но в последние годы охладели к нему. Орхан же напротив, усилил своё влияние.

Алексей нахмурился. Разногласия в вере оказались не главным источником византийских интриг, как полагал Феогност. Здесь куда больше сторон и причин. Разматывание змеиного клубка царьградской политики обещало ему сильную головную боль.

– Поставь по монаху на каждое из течений, – распорядился он. – Пусть ищут связи, людей. Пусть втираются в доверие. Заранее нельзя сказать, кто может понадобиться.

– Да, – вспомнил Василий. – Есть ещё одно любопытное течение. Некое тайное общество. Точно разузнать не удалось, но город полнится слухами. Они вроде бы называют себя сумконошами, нищими.

– Союз нищих? – удивился Алексей.

– Да. Есть среди них вероятно и нищие, но большинство, судя по разговорам, только рядится в отрепья.

– Любопытно, – признал викарий. – Пусть кто-нибудь свяжется с ними и выведает подробности.

Итак сети поставлены. Какая-нибудь из хищных рыбёшек обязана в них попасть. Но прежде чем обращаться за помощью к врагам, следовало попытаться счастья у нынешней власти. Кантакузин многим обязан Москве. Не без русского серебра он утвердился на троне, не без посредничества московского князя получил договор с ордой, по которому та обязалась воевать на стороне Византии за собственные средства. Нынешний правитель империи мог бы и отдать часть долга, похлопотав за Алексея у патриарха.

Припомнив разговор с покойным митрополитом, Алексей попросил Щербатого устроить встречу с Георгием Пердикой.

Молодой дьякон встретил северян радушно, но сразу же заявил, что при нынешнем патриархе мало чем сможет помочь.

– Я сейчас не у дел. Окружение владыки меня недолюбливает. Помимо этого, Каллиста вообще мало волнуют северные дела.

– Хорошо. Расскажи, что ты думаешь о василевсе? Возможно ли надавить на патриарха через него? Ведь в своё время Кантакузин поддержал Феогноста в вопросе о единстве митрополии, а от князя Семёна получал большие средства на свою борьбу. Что нам следует ждать от него сейчас? Каково его влияние на патриарха?

Пердика начал издаലെка.

– Кантакузин хорош как воин, но слаб в политике. Он плохо понимает, где друзья, а где враги. Мечется между ними. Он неразборчив в средствах и союзниках. Легко забывает как прежние обиды, так и былую помощь. Хотя есть люди, которые принимают его метания за силу, мудрость и прозорливость, – Пердика усмехнулся. – Это с какой стороны посмотреть.

– И? – спросил Алексей.

– Время покажет. Если в Городе воцарится Орхан, значит Кантакузин не прав, а если победят латиняне, неправыми окажутся противники императора.

– Не слишком ли мрачно? – удивился Алексей. – Ты совсем исключаешь возможность, что Царьград останется православным, выдержав удары с обеих сторон?

– Сам по себе не останется. Нужна свежая кровь. А для этого победить должен либо Душан, либо мисяне, либо вы, русские. Но Кантакузин в борьбе с латинянами сделал ставку на нечестивых, привлекает их как родню, а ведь те уже пытались захватить Город пятнадцать лет назад.

– Я не особенно заметил здесь агарян.

– Их трудно заметить, – горько усмехнулся Пердика. – Тысячи греков из Малой Азии приняли слово Мухаммеда. Они проникают сюда незаметно вместе с торговцами или беженцами. Ты каждый день встречаешься с ними на улицах, но не сможешь отличить от единоверцев. А они исподволь подтачивают наши основы лживыми проповедями, смущают народ.

– Ладно. Вернёмся к делам. Нам нужно найти поддержку одной из сторон. И лучше, чтобы таковой оказались единоверцы.

– Всё очень запутано. Вопросы веры давно отошли в тень.

– И всё же?

– Сторону Москвы император, пожалуй, возьмёт, как брал раньше, да только с Каллистом у него отношения сложные. Даже если мы найдём какой-то подход к императору, даже если он решит отблагодарить вас за прежнюю помощь, то вовсе не обязательно, что его заступничество будет полезно. Может и наоборот выйти.

Разговор с умным человеком доставил Алексею удовольствие, но вместе с тем породил множество тревог. Да, Пердика прав. Положение зыбкое. Излишнее внимание императора может и повредить делу. В таком случае, стоит оставить этот ход про запас, а пока попытать удачи напрямую у патриарха.

Скоморох так и не приблизился к цели, а средства от проданной по дешёвке фибулы таяли быстрее апрельского снега. Ростовщик оценил золотую вещицу в половину настоящей стоимости, но другие предлагали и того меньше. Константинополь оказался суровым

на приём хозяином. Без денег здесь не спешили раскрывать гостю объятия, а деньги кончались. Приходилось отказываться от многого.

Находясь на грани телесного и духовного истощения, Скоморох бродил по старинным улочкам. Бродил безо всякого смысла, бродил в надежде на чудо. Бродил и размышлял.

Он быстро осознал, что явно переоценил себя, бросаясь вслед за московским посольством в страну, обычаев и языка которой почти не знал. Уже в первое своё константинопольское утро он ощутил ни с чем не сравнимое одиночество. Даже в прошлом году, когда ему пришлось целый месяц пробираться по безлюдному лесу, пугаясь любого прохожего и зверя, даже тогда он чувствовал близость родной земли. Теперь же всё было иначе. Чужое небо, чужие запахи, чужие разговоры. Сознанию не за что было зацепиться.

В голову полезли предательские мысли, будто для мести викарию нет оснований; что, по сути, тот не повинен в смерти Калики, не виновен даже в измене Микифора, бросившего владыку перед моровой угрозой. Может быть, лучше было остаться с чародеем, или отправиться с суздальским княжичем? По крайней мере, каждый из них предлагал настоящее дело. А он вот пустился в погоню за призраком.

Тогда, проснувшись в чужом саду, он с трудом поборол искушение поспеть к отходу русских кораблей, чтобы убраться из Царьграда восвояси.

Мысль о бегстве удалось отогнать. Алексей был врагом его хозяина, единственным по-настоящему серьёзным врагом. И рассчитаться со священником стало долгом, стоял тот за смертью Калики, или нет.

Несколько дней новгородец наблюдал за русским подворьем, и пока безуспешно. В логове викария было не взять, а за его пределами священника неизменно сопровождали монахи.

Едва Скоморох поравнялся с приземистой постройкой, как его ноздрей коснулся запах еды. Он валил из приоткрытых дверей и маленьких окон, окутывая новгородца каким-то тёплым сытным туманом. Вкус жареной дичи отчётливо возник во рту, словно Скоморох уже похрустывал жирной румяной корочкой, запивая мясо лёгким винцом.

Голод свирепым хищником ворвался в разум, изгоняя оттуда все прочие мысли и чувства. Помимо воли рука Скомороха потянулась к дверному кольцу. Он вошёл внутрь и осмотрелся.

Полдюжины небольших столов заполнял народ. Большинство выпивало молча. Голоса доносились только от ближайшего к нему стола, где шла игра в кости.

Как следует рассмотреть посетителей Скоморох не успел, ибо внимание его всё без остатка сосредоточилось на очаге. Запах шёл оттуда. Хозяин, похожий лицом на пожилую женщину, вращал вертел, а на нём... На нём потрескивала жиром мечта.

Вид румяной тушки ослепил Скомороха, как полуденное солнце. Брюхо протяжно заурчало. Сейчас он отдал бы за курицу и последние гроши. Беда была в том, что та стоила немного дороже.

Путаясь в словах, новгородец спросил о выпивке. Ответа не понял. Пришлось переспрашивать несколько раз, чтобы уяснить обстановку.

Пива здесь не подавали, а кислое вино Скоморох натошак пить не решился – оно могло запросто выжечь внутренности. Взял кусок хлеба и миску дешёвой похлёбки, способной обмануть голод лишь на короткое время.

После первых жадно проглоченных кусков его заинтересовала игра. Он сел за соседним столом и, макая кусочки хлеба в жижу, прислушивался к разговору. Скоморох пытался освоить язык хотя бы в той степени, какая позволит сесть за игру.

Он подметил, что та идёт нечестно. Двое греков на его глазах обобрали до нитки пьяного гостя. Освободившееся место тут же занял другой посетитель, не менее пьяный.

Подменные кости с утяжелённой гранью появлялись в руках мухрыжника незаметно для жертвы, которую в это время какой-нибудь шуткой отвлекал сообщник. Новгородец же смотрел со стороны, но главное – с высоты своего опыта.

На его лице появилась улыбка. Скоморох не обладал колдовским даром но, как и всякий человек его ремесла, имел в запасе пару-другую хитростей. В конце концов что он теряет?

Не столько словами, сколько знаками, он попросился в игру. Его пустили за стол охотно. Несколько монеток, которые небрежно выложил перед собой новгородец, намекали на возможность поживы. О том, что монетки последние, их владелец, понятно, умолчал.

Он выиграл, затем ещё раз. Мухрыжникам не помогали никакие уловки. Кости словно изменили хозяевам с незнакомцем, отдавая последнему всю удачу, которую похищали у прежних игроков. Всё бы ничего, но вместе с удачей от парней утекали и деньги.

Разбойники соображали быстрее Скомороха. Один из них, прервав игру, метнулся к столику, что стоял у самого очага. Там сидело несколько верзил во главе с низеньким человеком. Во главе, потому что мухрыжник обратился именно к нему, остальные же напряглись, ожидая приказа.

Голод и лишения последних дней не прошли для Скомороха даром. Они притупили чувство меры и осторожность. Он понял, что взял лишнего, только набив мошну до неприличия. И ещё понял, что уйти с выигрышем ему не дадут. Если бы во время игры не стояла перед глазами курица, он, пожалуй, нашёл бы силы вовремя остановиться или проиграл бы часть средств, успокоив тем самым разбойников. Но брюхо противилось мудрости, и теперь слишком поздно было идти на попятную.

Бычки злобно поглядывали в его сторону и уже начали вставать, как вдруг к предводителю подскочил хозяин. Бабье лицо его теперь приняло личину торговки, которая вымогала из покупателя лишнюю монетку за тухлый товар. Видимо, хозяин упрашивал жожака не устраивать драку в заведении. Тот, неохотно кивнув, придержал парней.

Что ж, и на том спасибо. Новгородец вернулся за свой стол и, подозревая хозяина, заказал кувшин лучшего вина и ту самую вожделенную курочку. Оставалось хотя бы набить брюхо перед неминуемой расплатой.

Били Скомороха долго, но как-то без злобы, видимо подспудно испытывая уважение к его способностям. Благо, прежняя заковыристая жизнь научила новгородца притворному страданию, а выпитое вино сделало тело менее чувствительным к боли. Его оставили в покое, бросив в тупичке, раньше, чем причинили серьёзный вред потрохам. Могли бы, наверное, и убить, но, вернув значительную часть выигрыша, не решились взять на душу лишний грех.

Стараясь удержаться от рвоты, Скоморох нашёл в городской стене пролом и подобрался к морю. С мыслями о несправедливости мироустройства, он погрузил разбитое лицо в солёную воду.

Глава III. Тайное братство

Каллист принял Алексея весьма холодно. Он даже предсмертного письма Феогноста не удосужился прочесть. Отложил свиток в сторону, а сам, капнув на ладонь пахучего масла, принялся втирать его в кожу.

– У нас не принято ставить в митрополиты местных выдвиженцев, – заявил патриарх. – Они слишком подвержены интересам властителей, в то время как должны защищать только веру.

– Но не лучше ли иметь митрополита, который действует в согласии с мирской властью? – попытался возразить Алексей.

Каллист осмотрел руки и, найдя их недостаточно гладкими, капнул из пузырька ещё. Благовоние показалось викарию уж очень резким, похожим на полынь. Запах сбивал с мысли.

– Слишком часто случалось так, что государь начинает указывать церкви, – ответил патриарх. – Это вредит делу. Великому делу.

В самой Византии ровно так и было, но Алексей не стал попрекать владыку здешней политикой. Он искал разумную основу для разговора.

– У нас сейчас сложная пора. Страна раздроблена. Новому человеку будет непросто сразу разобраться во всём. Без языка, без знания людей и обычаев он потеряет много времени, прежде чем сможет действовать...

– Вот и не нужно действовать, – патриарх усмехнулся. – Пусть митрополит занимается тем, чем должен. Знание людей вызовет предпочтения, а это только мешают пастырю.

Каллист закупорил пузырёк.

– Ступай, – сказал он Алексею. – Мы ещё подумаем, но я полагаю, спешить с решением не стоит.

Три дня, прошедшие с памятного пиршества, преобразили Скомороха. Сытость прошла, а саднящие синяки и раны остались. Напрочь забыв о викарии, о мести, новгородец теперь думал только о том, как выжить. Без гроша за душой, без языка и знакомств это было непросто.

Все попытки заработать на прокорм в портах и на торгах, едва не заканчивались новыми избиениями. Таких как он, в городе обитали целые толпы, а принимать в свои ряды лишний рот никто не спешил.

Скоморох бродил бесцельно по городу, ещё прислушиваясь по привычке к разговорам, но уже утратив всякую надежду на выход. Он бродил только потому, что остаться лежать в логове для него означало сдаться и умереть. А желание выжить осталось единственным, что крепило сознание.

Возле Ипподрома его внимание привлёк неряшливо одетый человек. Он собрал вокруг себя десятка два горожан и что-то вещал им. Мимы и лицедеи встречались на улицах Константинополя часто, но этот явно говорил о чём-то серьёзном, хотя и отпускал иногда шутки, вызывая людской смех.

Даже плохо понимая по-гречески, новгородец догадался – свой брат скоморох народ баламутит. Пожалуй, стоило попытаться счастья и сойтись с ним поближе.

Он дождался конца представления, а когда народ стал расходиться, вдруг кувыркнулся под ноги лицедею. В голову не пришло ничего иного, как напеть смешную частушку про жадного попа, которой он в своё время развлекал Калику. Человек, собираясь уже уходить, остановился. Прищурил глаз и слушал чужой напев, не понимая, очевидно, ни слова, но улавливая настроение.

Затем лицедей что-то спросил. Скоморох пожал плечами в ответ.

– Русь, – пояснил он на всякий случай. – Русин, словен.

Тот кивнул, хлопнув легонько по спине, и рукой предложил следовать за собой.

Лицедей что-то рассказывал по пути. Скоморох тупо переставлял ноги, лишённый сил даже на то, чтобы попытаться понять провожатого или хотя бы возрадоваться собственной удаче. Да удаче, ибо куда бы ни привёл его новый знакомец, там вряд ли будет хуже. Возможно, ему предстоит отрабатывать хлеб, возможно, трудиться до изнеможения – это ли печаль?

Они покинули старый город и скоро оказались возле большого, но заброшенного дома. Развалины скрывались в глубине сада, точь-в-точь такого, в каком ночевал всё это время сам Скоморох. Крыльцо с известняковыми колоннами оказалось наглухо заколоченным, всё вокруг заросло высокой травой. Лицедей отошёл вдоль стены в сторону, где, откинув доску, показал спутнику лаз.

Через дыру они попали в просторное помещение с множеством дверей, занавесок, лестниц. Какие-то люди ходили туда-сюда, собирались кучками, разговаривали на полудюжине языков. Провожатый переговорил с одним, с другим, немного поругался, показывая на гостя. Затем, смачно плюнув, потащил новгородца за рукав вверх по одной из лестниц.

Комната, в которую они поднялись, была обставлена дорогой, хотя и пришедшей в негодность, утварью. Столик с подломленной ножкой покосился, словно тонущее судно; кресло, лишённое половины досечек, торчало посреди разрухи скелетом. К стене прислонена была кровать, но её, видимо, затащили сюда позже, ибо помещение никак не походило на спальню. Скорее всего, здесь когда-то работал писарь богатого вельможи, а возможно учитель – наставник хозяйских детей...

Всюду лежала пыль. Заколоченное снаружи окно пропускало немного света, что придавало пыльному покрову особую древность.

Человек знаками предложил Скомороху ждать, а сам вышел. Впрочем, скоро он вернулся с кувшином воды и миской, источающей запах мяса. Затем исчез вновь и уже надолго.

Новгородец жадно проглотил варёную баранину. Долго пил из кувшина.

Жизнь снова заиграла красками. Силы возвращались. Будущее представлялось по крайней мере сытым. Если же его заставят работать сверх меры, он всегда может сбежать. Вот только подучит малость язык и обзаведётся знакомыми.

Прошёл час или чуть больше. Скоморох успел немного вздремнуть. Его спаситель вернулся с седым стариком.

– Кто ты, откуда, чего ищешь здесь? – присаживаясь рядом, спросил старик по-русски, хотя и не без усилия подбирая слова.

Скоморох назвалсся скоморохом. Сперва он собирался наврать, поведав спасителям что-нибудь жалостливое. Про крушение корабля и долгие годы рабства у нечестивых, про счастливый побег и мытарства по чужим краям. Но потом решил выложить всё, как есть. Он рассказал печальную повесть о кончине владыки и о своём деле, которое завело так далеко от дома. Поделится навязчивым замыслом отомстить московскому викарию.

Старик переводил на греческий. Лицедей кивал, казалась, весьма удовлетворённо. Потом что-то сказал.

– Его зовут Трифон, – перевёл старик. – Он взял ответственность за тебя перед братьями, так что не подводи его. Меня же можешь называть Дедом. Настоящее имя я и сам давно позабыл.

Хозяева развалин ещё переговорили по-гречески, после чего Трифон ушёл, а старик предложил:

– Ты можешь остаться с нами. На день, на два, сколько захочешь.

– С кем, с вами? – тут же спросил новгородец. – И зачем я вам? Кто все эти люди? Что делают они в заброшенном доме?

– Здесь собираются недовольные властью, – ответил старик. – Тайное братство.

– Тайное братство? – Скоморох удивился.

– Ну, пожалуй, братство – это сильно сказано, – признал Дед. – Тайное общество, союз вольных людей, в котором есть место всякому, у кого свои счёты с властью. Вот как у тебя, например.

Старик, задумавшись, откусил заусенец.

– Один из императорских чиновников презрительно назвал нас сумконошами. Так мы и называем себя теперь. Нищие. Сумконоши. Оборванцы. Птохи. Нас предпочитают не замечать. А зря.

– И что, все нищие? – Скоморох почувствовал, что оказался близок к силе, которая способна помочь и ему.

– Разные люди собрались, – ответил дед. – Нищих как раз немного. Здесь и бывшие вельможи, и военные, и монахи, и торговцы. Одни присоединились на время, дабы переждать опалу, а затем вновь попытать удачу при дворе. Других волнуют утраченные имения, вернув которые, они тут же забудут о смуте. Кто-то разорился от поборов и решил мстить. Кого-то обидели латиняне, других агаряне. Здесь есть и такие, кто раньше едва терпел друг друга. Но нынче былые споры оставлены, обиды забыты, пусть и на время.

А есть и те, для кого в борьбе весь смысл жизни. Они отрицают земную власть как таковую и не ищут среди правителей меньшего зла, но не желают и бежать от мира, подобно пустынным.

– А ты сам?

– А вот я действительно сумконоша, – улыбнулся старик. – Политика волнует меня в ничтожной степени. Подобных мне власть обычно не трогает, и пустить по миру нищего трудновато. Ну, выставят иной раз из города, ну двинут по шее, так нас в дверь, а мы в окно. Так что лично у меня никаких счётов с верхами. Мне просто нравится быть при деле, иметь какую-то цель, помимо каждодневного набивания утробы.

Алексий предпринял ещё несколько попыток убедить патриарха. С каждым разом ожидания под дверью становились продолжительнее, приёмы короче, а отказ твёрже. Намёк на возможные крупные жертвования как храмам, так и имперской казне ни к чему не привёл.

Причины упрямства Каллиста стали известны неделей позже.

– В городе объявился Роман, присланный Ольгердом для поставления в русские митрополиты, – доложил Кантарь на одном из советов. – По слухам, он уже добился расположения патриарха. Мало того, Каллист обещал оставить за ним киевский титул.

– Роман? – удивился Василий. – У Ольгерда уже есть один митрополит. Феодорит, кажется. Почто ему два митрополита?

Алексий молчал. Тёр лоб, пытаясь разобраться в новой напасти.

– Феодорита в Тырнове поставили, – пояснил Щербатый печатнику. – А здешний вселенский патриарх с болгарским уже года два как враждует. Так что хитрый Ольгерд, желая заручиться поддержкой Константинополя, с лёгкостью отказался от прежнего ставленника. А здесь наобещал, небось, что все русские земли от ордынского верховенства избавит. Вот патриарх и клюнул.

– Значит, Каллист отказался от прежних обещаний, оставить русскую митрополию единой, – не столько спросил, сколько подытожил Алексей. – Проклятье! Теперь понятно, почему он темнит.

– Похоже на то, – согласился Кантарь.

Появление соперника заставило викария крепко задуматься.

Итак, Каллист тянул время и, возможно, набивал цену. Ольгерд вряд ли даст больше, нет у него такого благодатного источника, как ордынский выход. Но зато литовский князь может многое посулить. Например, освободить древний Киев от власти нечестивых агарян, Киев, по которому пока что и называлась вся русская митрополия. В таком случае это будет выглядеть уже не подкупом, а хитроумной политической игрой, что для честолюбивого Каллиста имеет значение.

– Ну что за страна... – устало произнёс Алексей.

– Уже и купить никого нельзя! – поддакнул с улыбкой Кантарь. – От серебра рожи воротят.

Священник взглядом пресёк веселье монаха. Сейчас ему не до смеха, он всерьёз разозлился. Не привык жить чужой волей. На Руси считал себя без малого властелином, а здешней самодовольной властью низведён до обычного просителя, от которого каждый чиновник отмахивается, словно от надоедливой мухи.

– Не хотелось давить на патриарха через василевса, – произнёс Алексей. – Но всё же придётся.

Он взглянул на Щербатого.

– Это не так просто, – Михаил обхватил бородку ладонью, точь-в-точь как это делают последователи Мухаммеда, проверяя, достаточной ли она длины. – Допустим, сам Иоанн на нашей стороне. Но ведь к нему ещё нужно подобраться с дарами и просьбами. А во дворце не протолкнуться от местных просителей. На чужака в лучшем случае не обратят внимания, а в худшем вытолкают вон.

– Это не ответ, – нахмурился Алексей. – Это отговорка.

– Нет смысла рыть землю так близко к трону, – пояснил Гречин. – Там решаются иные дела: как почище вылизать багрянородную задницу, как умаслить евнуха или кого-то из ближних людей.

– Но где-то дела решаются? – Алексей поторопил собеседника с выводами.

– В банях, в монастырях и храмах, на ипподроме... – ответил тот. – Где угодно, хотя бы и в публичных домах. Но только не во дворце.

– Н-да, – протянул Кантарь. – А в... баню, как я понимаю, так запросто не напросишься?

– Вот именно.

Подумав, Щербатый предложил викарию:

– Пожалуй, будет не лишним для начала познакомить тебя с послами.

– С послами? – удивился тот.

Михаил кивнул.

– Это один из самых пахучих котлов здешней политики. Церковными делами там, конечно, занимаются мало, но всё ведь взаимосвязано. А другого способа подобраться к василевсу я, честно признать, не вижу.

– Через кого-нибудь из высших сановников, – возразил Василий.

– Да, но там мы упрёмся в ту же беду. Получить доступ к ним немногим проще, чем к императору. Так что всё одно придётся начинать с самых низов.

Вообще-то сам император по духу куда ближе к нам, чем его окружение. Как и московские князья, он предпочитает иметь дело с нечестивцами, нежели уступать в вопросах веры латинянам.

– Но он хотя бы не выплачивает дань Орхану, – заметил Кантарь.

– Что с того? Зато он отдал все земли по ту сторону пролива. Трапезунд платит дань туркам, хотя и имеет христианскую власть. Всё это вопрос времени. Беда в том, что многие сановники, позволяя василевсу вести дела, как тому заблагорассудится, вовсе не разделяют его убеждений. А нам-то нужно будет прорываться сквозь них.

Глава IV. Посольский двор

Хотя дела императора и патриарха во всём, что касается внешних сношений, во многом пересекались, каждый из владык имел свою особую посольскую службу. Однако в отличие от Софии, где московские просители имели заступника в лице Пердики, чиновники Влахернского Дворца относились к полудиким северным княжествам, как к отрезанному ломтю. Что с них взять – они подчинены ордынцам. Вот со степью, мол, и надо вести разговор.

Поэтому Гречин и решил начать с послов, которым дело было до всего на свете.

Он повёл Алексия главной улицей города. Меса уцелела после череды битв и погромов и выглядела по сравнению с прочими кварталами просто роскошно.

– Куда мы идём? – удивился викарий. – Разве посольский приказ, или как он тут называется, расположен не во дворце?

– Логофисия дрома, – пояснил Михаил. – Ты прав, ведомство находится во дворце. Но туда послов приводят лишь для вручения верительных грамот и на редкие приёмы василевса, ну или на торжества какие-нибудь. Сам же логофет редко принимает на работе. Во дворце у него полно иных забот, а все дела он предпочитает вести в собственном доме на Месе. Поэтому и послы в основном отираются там.

В былые времена послов заводили в императорскую сокровищницу и позволяли взять любую понравившуюся вещь, какой бы цены она ни была. Так создавалась слава империи. Однако вместе с уважением у соседей возникала и зависть. Империю обкусали, словно чёрствую лепёшку, её сердце – Константинополь опутали кабальными договорами, и теперь показывать послам уже нечего. Богатство иссякло, позолота на посуде тончает вместе с крошкой подвластной земли...

Зато теперь послы чувствуют себя свободнее. Раньше-то их держали под охраной и день и ночь, не позволяя без сопровождения пойти даже в храм. Теперь они свободно бродят по городу, а с властью встречаются чаще всего вот здесь.

Закончив рассказ, Михаил кивнул на ворота, к которым они как раз подошли. Стражники, каким-то чутьём угадав в гостях важных просителей, пропустили их внутрь без вопросов.

Дом логофета оказался великолепным имением. Дворцу он уступал только размерами, а роскошью превосходил любое из владений императора.

– Хлебное место, однако, этот посольский приказ, – заметил Алексей.

Дворик сановника утопал в зелени. Кипарисы, оливки, розовые кусты, выющийся по решёткам виноград. Каменная дорожка вела от ворот к длинной веранде, опоясывавшей дом. Никаких следов запустения, ни единого намёка на всеобщий упадок.

– При князе Семёне, в Константинополе послом Воробьёв подвизался, – говорил на ходу Гречин. – Но князь Иван нового человека не прислал. А зря. Через него проще было бы действовать.

Они вышли к веранде, под навесами которой стояли столы с едой и напитками. Перед ней на просторной поляне копошился народ. Сразу трудно было уяснить, что движет людьми. Одни собирались в сторонке и беседовали, другие сновали между кучками, словно выбирали, к которой из них лучше прибиться. Были и такие, что одиноко шагали взад-вперёд, то ли ожидая кого-то, то ли просто прогуливаясь, а иные, заняв место возле столов, отдавали должное яствам и вину.

– Вон мальки вертятся, – кивнул Щербатый на особо шустрых парней, снующих между людьми. – Это мелочь чиновничья. С рук кормятся. В них-то вся и сила. Можно ни разу не переговорить с императором, ни разу не встретиться с domestиком, а дело мало помалу пойдёт, если эту свору прикормить. Послы здесь с утра до вечера отираются. Неважно,

назначена с кем-то из них встреча или нет. Они знают всех чиновников в лицо и по имени, со многими пьянствуют и блудят. Здесь так принято. Иначе в два счёта можно растерять влияние.

Они пошли медленнее, как бы приноравливаясь к общему ладу, и скоро смешались с толпой. На новых гостей внимания не обратили. Алексей поймал на себе лишь пару коротких взглядов. Равнодушных и скользких.

– Здесь что-то вроде торга, – чуть тише продолжил разъяснять Гречин. – Продаются всевозможные политические услуги. Кстати говоря, не только византийские дела продвигать можно. Послы, их свиты тоже не брезгают монеткой.

– Вот как?

– Да. Скажем, если нужно заручиться военной поддержкой, то только намекни... – он перешёл на шёпот. – Я слышал, что давешняя стычка между Генуей и Венецией пошла отсюда. Кто-то кому-то заплатил, и пожалуйста – сцепились на славу.

– Ладно, – отмахнулся Алексей.

Он почувствовал себя крайне неуютно среди толпы.

– Мы ищем кого-нибудь?

– Уже нашли, – шепнул Михаил.

Взяв викария под руку, он увлёк его к одной из людских кучек. Тот не успел возразить, как оказался среди расступившихся людей.

– Ба! – притворно воскликнул по-русски один из них. – Московское посольство!

Говоривший выглядел молодо, но вышитая золотом накидка свидетельствовала, что перед ними не какая-нибудь мелочь. Алексей разозлился на Гречина, что тот без предупреждения выволок его на всеобщее обозрение. Но, натянув на лицо улыбку, сделал вид, будто выбрался в свет по собственной воле.

– Не посольство, Янис, – ответил Щербатый. – Мы тут по другому делу.

– Как же, как же, – ухмыльнулся тот. – Наслышаны. Митрополия осиротела, и вы желаете поставить удобного Москве человека.

При этом взглянул на Алексея так, что сомнений не возникло – он знает, кого пророчат на должность.

Весьма кстати в беседу вмешался какой-то латинянин. Он заговорил на своём наречии, видимо, требуя перевода. Парень в парчовой накидке охотно взялся объяснять. Алексей воспользовался заминкой, чтобы узнать с кем имеет дело.

– Кто он, этот Янис? – шёпотом спросил викарий.

– Литвин, – ответил тихо Щербатый. – Посол от Ольгерда. А вон тот, который на ордынца лицом похож, он и есть ордынец. От Джанибека здесь. Остальных не знаю, но они нам пока не нужны.

– Какого беса ты не предупредил меня заранее? – прошипел Алексей.

Оправдаться тот не успел. Разговор вернулся к церковному посольству.

Причём пошёл он весьма странно. О московских делах говорили хоть и по-русски, но так, словно самих москвичей здесь не стояло. Будучи заклятыми врагами, литвин, ордынец и примкнувший к ним турок беседовали как старые приятели, в то время как на Алексея и Гречина все трое посматривали с насмешкой.

Имя Романа в разговоре не прозвучало. Мало того, Янис ни словом не обмолвился, что его сородичи вообще продвигают собственного претендента в митрополиты. Он рассуждал в целом о судьбах Руси, о её грядущем разделе. О предпочтениях патриарха и василевса к тем или иным епископам и настоятелям.

Совсем не стесняясь степного приятеля, Янис заявлял об успешном противодействии орде. А тот в свою очередь совершенно без злобы обещал скорую победу Джанибека над литовскими огнепоклонниками.

Ордынец первым вспомнил о московских гостях.

– Хан желает видеть нового митрополита сразу после утверждения патриархом, – он сказал это так, словно был уверен, что никакого утверждения не будет.

– Разве церковь подвластна степным царям? – ухмыльнулся Янис.

– Им всё подвластно, – без тени сомнения ответил ордынец. – Во всех русских храмах молятся за наших властителей.

Янис, глянув на Алексия с улыбкой, повернулся к Щербатому.

– Вот видишь? – сказал он. – Ваш ставленник уязвим. А наш нет. Альгердас сопротивляется потугам как ордена, так и орды. Литва сохраняет независимость, и потому привлекательна для царьградских властей. Согласись, митрополиту будет легче управлять паствой, будучи под защитой единоверного князя.

Алексий совсем взмок от неприятного разговора. Его подмывало ответить нагледцу, но достойного и понятного чужакам ответа он пока не имел. Приходилось выслушивать гадости молча.

Выручил высокий богато одетый человек, который вышел на веранду и громко обратился ко всем гостям с предложением выпить за здоровье василевса. Люди, хлынув к столам, смешались, а викарий воспользовался оказией, чтобы с силой оттащить Гречина в сторону.

– Хватит, – сквозь зубы произнёс он. – Пошли отсюда.

Щербатый кивнул и, пригубив для приличия вина, повёл начальника к воротам.

– Не злись, – сказал он. – Взглянуть на врагов, на здешние порядки и нравы было совсем не лишним. Теперь ты знаешь, чего ожидать и как действовать дальше.

– Ловить рыбку в мутной воде сподручнее тем, кто пришёл раньше, – буркнул Алексий. – В этом болоте нам и за год не добраться до цели. Литвин и ордынец могут следить за каждым нашим шагом. И думаю, пожелай мы переговорить с кем-нибудь из твоих мальков, они тут же предпримут что-то в ответ.

– Здесь всю жизнь можно проторчать и ничего не добиться, – согласился Гречин. – Но с другой стороны, можно добиться чего угодно.

Он подумал и заявил:

– Полагаю, у нас всё равно нет иного пути. Раз уж с патриархом не вышло, а к василевсу не подобраться, то остаётся воздействовать на обоих через чиновников.

В подворье Алексия ожидала очередная неприятная новость. Василий привёл в келью оборванного чернеца, в котором викарий не без труда узнал одного из новиков, отправленных им против Рязани незадолго до отъезда.

– Вот, прибыл с попутным кораблём из Кафы, – доложил печатник.

Монах выглядел мышонком, чудом вырвавшимся из волчьих зубов. Его лицо и руки покрывали свежие рубцы, а вокруг глаз чернели круги. Алексий попытался вспомнить прозвище новика, но в памяти всплыло только монашеское имя – Родион.

– Олег Рязанский Лопасню взял, – сообщил чернец. – Почти всех наших, кто испытание держал, побили. Кто-то в плен угодил, кому-то, как мне, удалось удрать. Под пытками, как я слышал, никто не сознался. Но очень похоже, что князь загодя прознал о нашем приходе. Подготовился.

Алексий вздохнул. Пока он здесь охотится за должностью, дома всё ползёт под откос. Измена одних и лень других ставят под угрозу его замыслы. А ещё эти литвины с претензией на особую митрополию.

До сих пор он сомневался, стоит ли связываться с чиновничьей сворой без серьёзной уверенности в успехе. Ненасытное полчище государевых людишек способно поглотить горы серебра, а будет ли в этом толк – неизвестно.

Весть с родины послужила толчком. Следовало спешить. Нужно было делать хоть что-нибудь. Не сидеть сиднем в ожидании, пока всё само собой разрешится.

– Что ж, пора пустить в ход серебро, – пробормотал он под нос. – Много серебра. Обрушить валом, и посмотреть кто выплывет.

Глава V. Скука

Городец Мещёрский. Август 6861 года

Долго ещё не возвращался покой в чародейскую слободку. Месяц прошёл после памятной стычки с Мстителем, а тревога тлела. Не одержали они победы окончательной. Так, разошлись с чёрным богом, разошлись каждый своим путём. И потому боязно было колдунам: а ну как упустили какую-то мелочь, а вдруг да обманулись с торжеством преждевременным.

Но шли дни, недели, минул месяц, пошёл другой. Ничего особенного не происходило. Опасные свечи не загорались. Слухи доходили до Мещеры, что мор на Руси совсем утих, и никаких мерзких выродков больше не появлялось.

Понемногу колдуны успокоились. Только у Сокола осталась досада от незавершённости дела. И смутное предчувствие чего-то не столько опасного, сколько неприятного и хлопотного, а может и поворотного для него, чародея. Что-то судьба готовит ему в котле своём бездонном. А вот что именно, скрывает до поры.

Мохнатые приятели шкурами чуяли, каждой ворсинкой, что Сокол начал тяготиться ими. Раньше-то они не особо стесняли друг друга – попросту не до того было. То чародея где-то носило, то сами они на промысел отходили, а если и жили вместе, то каждый день какие-нибудь вопросы решали или к схваткам грядущим готовились. Но вот месяц всего провели под одной крышей без всякого дела, и вдруг тесновато стало.

Вурдов заедала скука, они изнывали от безделья. Рыжий дела лихие совсем забросил. Дома сидел с молодой женой и сынишкой. К промыслу отцовскому вернулся – к ремеслу гончарному. Сокол вроде бы тоже никуда не собирался, напротив, казалось, радовался спокойствию, возможности полежать просто так, ничего не делая, или почитать какой-нибудь мудрёный трактат. А Тарко, тот и раньше не отличался склонностью к приключениям, если они не связаны были с молодой княжной.

Самим же вурдам что-то предпринимать не хватало прыти. Не застрельщики они по природе своей. Вот кабы беда нагрянула, пусть самая лютая, тут уж они бы проявили удаль, а нарочно искать неприятности нутро противилось.

Со скуки приятели взялись точить ножи, и точили день напролёт, пока те не истаяли, словно весенние сосульки от солнца.

– Эх! – вздохнул Быстроног, пробуя на шерстинке остроту лезвия. – Что ли наняться к кому. К купцу какому или к воеводе. А то без работы мы тут мхом зарастём... Опасность и скуку разгонит, и печаль...

– Воином быть вовсе не самое опасное занятие, – сказал Сокол, не отрывая глаз от трактата.

Просто так сказал, чтобы разговор поддержать.

– Какое же самое-самое? – тут же ухватился Быстроног.

– Бортничество, – равнодушно бросил чародей.

– Это за пчёлами что ли приглядывать? – уточнил Быстроног.

– Скорее разбойничать против них, – поправил приятель.

– За пчёлами, – Сокол отложил свиток. – Бортник гибнет куда чаще, чем воин или охранник купеческий. Работа у него ещё та. И с высоты срываются, и от укусов, бывает,

помирают. В иных краях бортников за праведников считают, или за колдунов. Думаешь отчего мёд такую цену имеет?

– Нет, – Власорук потянулся. – Мёд дело хорошее, когда его с блинцом масляным жамкаешь, но чтобы по деревьям лазить да дупла чистить, тут, видимо, особое призвание нужно. Быстроног оглядел остатки ножа.

– Шило какое-то получилось, – буркнул он. – Чародей, нужно тебе шило?

Сокол едва удержался от грубой шутки. Закрылся свитком, пряча улыбку.

Приятель переглянулись. Поняв что старик на подначку не клюнул, протяжно вздохнули. Затем достали запасные ножи и, чтобы не досаждать понапрасну хозяину, отправились точить их на задний двор.

По соседству за хлипким плетнём располагался огородик Каваны по прозвищу Не-с-Той-Ноги. Старуха незадолго до этого выбралась на солнышко. Она восседала на роскошном пне, словно на троне, и дремала, оставив в сторону больную ногу.

– Та у неё нога болит, которая «не та» или не та? – пошутил Быстроног.

Он тут же получил щелчок по носу и ойкнул, уронив на ногу точильный камень.

– Ты чего? – повернулся Быстроног к Власоруку.

Тот не понял вопроса, а, взглянув на приятеля, вдруг рассмеялся.

– Ну и нос у тебя. Точно у мавра злого. Раздулся весь, как баклажан перезрелый.

– Жжёт, – пожаловался Быстроног.

Он попытался дотронуться до больного места, но на коготь соскочила искорка и вурд боязливо отдёргнул руку.

Приоткрыв глаза, колдунья нарочито строго погрозила парочке кривым пальцем. Жжение исчезло.

– Смотри-ка! – Власорук, показал на улицу. – Княжич наш идёт.

И правда. По чародейской слободке шагал их давний знакомец Борис Константинович, младший сын суздальского князя.

– Лопни мои глаза! – воскликнул Быстроног.

– Но-но! – остерёг Власорук и покосился на колдунью. – Ты поосторожней про глаза-то.

– Откуда он здесь? – удивился приятель.

– Неправильно ты вопрос ставишь, – заметил Власорук. – Зачем? Вот что действительно важно.

– Эх, наконец-то запахло делом...

Они перегнулись через ограду. Плетень скрипнул, но выдержал. Увидев знакомые волосатые рожи, Борис остановился.

– Приветствую, почтенные!

– Будь здоров, князь! – ответил Власорук за обоих. – А что, нет ли с тобой Румянца-боярина?

– В крепости он остался от греха подальше, – улыбнулся Борис, вспомнив о подначках, какими вурды доставали его верного товарища. – Чародей-то дома?

– Дома, – кивнул Быстроног и добавил, обращаясь к приятелю. – Пошли, Влас. Услышали боги наши молитвы.

Однако никаких таких молитв боги не слышали. Борис заскочил в Мещеру лишь по пути и даже пустячного дела чародею не предложил.

– В Рязань-то я один ушёл, чтобы времени не терять. А тут отец Румянца за мной прислал. Да с ним весть важную. Вот заскочил с Уком переговорить... и с тобой, конечно. С тобой даже первой.

Сокол кивнул, ничуть не радуясь, что его первой князя поставили.

– Про ваши победы наслышан уже, – начал было Борис.

– Да какие там победы, – Сокол с досадой махнул рукой. – Подумать вовремя, так и меньшей кровью бы обошлось. Хотя с другой стороны, так и так Мстителю в Мещеру нужно было заманивать... Чего уж теперь.

Ты-то сам как съездил?

– Удачно, – Борис улыбнулся. – Монахов, которых в Рязань викарий подослал, выловили почти всех. Многих побили, остальные разбежались. Вовремя я тогда подоспел. А потом Олег в отместку решил Лопасню отбить у московского воеводы. Давно он счёты хотел свести за прежние обиды, вот и выдался случай удобный.

Что ни говори, весёлое дело вышло. Налетели малой дружиной. Но хоть и малой, а самых опытных людей Олег отобрал. А там, как оказалось, и не ждали нас вовсе.

Слушая Бориса, вурды глазами поблёскивали. Кряхтели от досады, что пропустили славную сшибку. Вот бы заранее знать, так после сражения с Мстителем можно было бы и в Переяславль махнуть, поспеть к потехе.

– Короче говоря, взяли мы городок. С наскока взяли, без крови почти. Думали, из Москвы помощь к ним подоспел, стены принялись укреплять, народ подтянули. Но нет. Некому в Москве получается людьми управлять – князь с викарием в отъезде, а бояре друг на друга косятся, как бы промашки не дать, да на свою голову гнева лишнего не навлечь...

Он помолчал.

– Зря Олег на Коломну пойти не решился. Вот, ей богу, отбили бы и её. Удобный случай сейчас на Москву навалиться. Жаль, отсоветовали бояре его ближние.

Борис заговорщицки взглянул на вурдов, на чародея.

– Помнишь, куда я ехал накануне нашествия и куда не попал, повстречав по пути тебя?

– Ну уж! – усмехнулся Сокол. – Не моей милостью ты не доехал. Как раз я-то и уговаривал тебя избрать другой путь. Припоминаю, ты удрал от отца, чтобы повидать невесту.

– Так вот, – Борис напустил серьёзный вид. – Время пришло. Хочу пригласить тебя на свадьбу.

– Спасибо. Но знаешь, я ведь не любитель застолий. К тому же Дионисий вряд ли обрадуется, увидев меня среди приглашённых.

Борис хитро прищурился.

– Свадьба только предлог. На следующее лето большой съезд назначен. Пришло время выступить нам сообща. Князья не желают больше терпеть верховенства Москвы. После смерти Семёна многие склоняются переиначить отношения и с ней, и с её покровителями-ордынцами. Отец тайно созывает союзников. А свадьба моя – удобный повод собрать нужных людей, не вызывая лишних подозрений.

– Однако я и не князь, – заметил Сокол.

– Ты гораздо важнее любого князя. Думаю, отец рад будет видеть тебя на своей стороне. А что касается Дионисия, то и он не станет перечить, ведь борьба с бесерменами его излюбленная песня.

– Я подумаю, князь. Время-то ещё есть. Но и препоны имеются. Мало кто из нашего племени одобряет, что я в русские дела лезу. Говорят, нам, мол, всё равно, от кого притеснения терпеть, от Москвы или от Суздаля. Священники у вас больно уж ретивые.

– Точно! – встрял Быстроног. – Я как ихнего брата увижу, так сразу палёную шерсть чую.

Он поднёс к носу локоть и принялся, словно ожидая, что прямо сейчас и потянет горелым.

– Теперь это не одних только русских касается, – возразил Борис. – Взять хотя бы Ольгерда или Ука вашего. Дело того стоит. Даже Байборода, уж на что человек суровый, а и тот вызвался поучаствовать...

– Вот как? – удивился Сокол.

– Будет дело! Вот увидишь!

– Я подумаю, князь, – повторил чародей.

Глава VI. Серебро

Константинополь. Сентябрь 6861 года

Гречину пришлось работать осторожно. Под чуткими носами литовского посла и его ордынского приятеля, он не мог напрямую обстряпывать такие дела. Не потому, что мздоимство как-то преследовалось или осуждалось – во дворе логофета мальков покупали гуртом и в розницу на каждом шагу. Но Алексей предпочитал держать врагов в неведении как можно дольше. Литвин с ордынцем вполне могли сорвать игру в самом начале.

Потому Щербатый, гуляя по двору, избегал долгих бесед с чиновниками. Выбрав жертву, он оказывался на миг рядом и успевал произнести шёпотом несколько слов.

– Сегодня вечером, – обычно говорил он. После чего добавлял название корчмы из тех, что стоят подальше от Месы.

Чиновники народ большей частью сообразительный. Намёк на доходное дело понимали верно.

В назначенном месте Гречин передавал мальков кому-нибудь из монахов викария. Алексей бросил в бой своих лучших людей из первого набора: Кантаря, Зуба, Хлыста. У каждого за плечами многие годы исподтишковой работы.

Применение чиновникам находили самое разнообразное. Монахи намётанным глазом оценивали, кто из мальков на что способен. Одним предлагали всего лишь поддержать русское посольство благожелательными разговорами среди собратьев; других, не упоминая Москвы, просили содействовать в, казалось бы, посторонних делах. Но такие просьбы вязали мальков по рукам, и они становились надёжными союзниками, которых Алексей берёг для решающего приступа. Из кого-то только выуживали сведения о дворцовом раскладе, а через самых многообещающих монахи пытались забраться выше.

Щербатый каждый день таскал из пруда логофета мелочь, монахи же удили рыбёшку покрупней.

– Может быть, господин посодействует, чтобы меня принял человек, что стоит ближе к императору и способен рассмотреть мой вопрос, – говорил кто-нибудь из монахов. – Пусть уважаемый друг не беспокоится на счёт расходов за труды. Наши скромные средства позволяют...

С этими словами он клал на столик слиток серебра или какую-нибудь вещь потяжелее. В Константинополе трудно было удивить изяществом и искусностью подарка, поэтому Алексей сделал ставку на вес. Серебро исчезало в складках чиновничьего платья, а собеседник вскоре получал доступ к телу, стоящему на следующей ступеньке дворцовой иерархии.

Подарки поглощались сановниками, словно пирожки на Масленицу. Русское серебро для многих оказалось той соломинкой, за которую хватается утопающий, и одновременно той самой, что ломает хребет верблюду. Мздоимство процветало в Византии всегда, но только теперь, когда империя испускала последние вздохи, оно превратилось в основную статью дохода. Суровые времена сделали государевых людей сговорчивыми.

Однако всему есть предел. Настал час, когда никакое серебро больше не помогало. Запасы Алексея таяли, а продвижение вверх завязло в пустых обещаниях. Подарки по-прежнему продолжали исчезать в одеждах, но чиновники откровенно глумились над просителем, не забывая выпрашивать новые подношения.

Не желая лишаться поживы, они выдвигали всяческие предлоги для новых даров, и обнадёживали монахов выдумками.

– Василевсу доложили о вашем деле... Он готов поддержать. Не далее как вчера Иоанн встречался с епископами. Многие из них недовольны патриархом.

– Поговаривают, что император меняет отношение к Каллисту. Он готов поставить вопрос ребром. Со дня на день ваше дело должно решиться.

– Император склонен встать на сторону противников патриарха, если тот и дальше будет упорствовать.

Ещё серебра! Ещё!

Литвин с ордынцем по-прежнему поглядывали на русское посольство точно два разбойника, что разыгрывают в кости блудницу. Прознав, наконец, о предпринимаемых викарием интригах, Янис всякий раз с издёвкой встречал Щербатого. Потуги московского посольства он считал тщетными. Ему было доподлинно известно, что чиновники нагло врали, обещая содействие. Они старались вытащить из простаков побольше средств, чтобы затем рассмеяться в лицо.

Но приняв священника из далёкой северной страны за простака и послы, и государевы слуги глубоко ошибались.

Когда Василий с Щербатым пожаловались Алексею на очередную заминку и поделились догадками, что их водят за нос, викарий задумался. Рассчитывать, что император когда-нибудь всерьёз надавит на Каллиста, больше не стоило. Их отношения и без русского вопроса портились на глазах. Значит ли это, что священник зря угрохал горы серебра на подкуп? Отнюдь. Он умел извлекать пользу даже из поражений. Нужно лишь изменить замысел, чуть-чуть подправить направление усилий.

– Постарайся сделать так, чтобы ответы, которыми кормят монахов продажные чиновники, получили огласку, – распорядился Алексей. – Подсаживай к ним кого-нибудь из горожан, пусть разнесут это дальше.

Он повернулся к Щербатому.

– А ты больше не скрывай наших намерений. Напротив, говори со всеми в открытую, что де вот-вот патриарху придётся туго. Да так, чтобы и послы слышали, и те из мальков, кого ещё не купили. Короче говоря, шуми без оглядки и держись наглее.

– Зачем?! – удивились разом Василий с Гречином.

– Есть у меня одна мысль.

Он вызвал Пересвета.

– Ты вышел на зачинщиков этих самых сумконош?

– Да. На самую верхушку. Все сведения, что удалось вытянуть из них, я передал Василию. Но пока не вижу от этих бродяг особой пользы.

– Зато вижу я. Мне нужно, чтобы ты связался с ними и кое-что предложил. Вместе с серебром, разумеется.

Глава VII. Нимфей

Такой огромной бани Скомороху прежде видеть не доводилось. Княжеские палаты казались сущей лачугой в сравнении с роскошью этого заведения, предназначенного для простых горожан. Мраморные стены с барельефами, тёплый каменный пол, просторные купальни и жаркие парные. Сюда приходили не мыться, а отдыхать.

Лёжа на подиуме, новгородец млел от блаженства. Жар раскалённых камней совсем не то же самое, что палящее солнце. Жар наполнял тело силой, в то время как солнце высасывало её.

В баню его вытащил Трифон, намекнув на серьёзную работу. Скоморох не спорил. В ожидании подходящего для мести случая, он помогал нищим в их непонятной борьбе. Непонятной – потому что кроме ненависти к властям, этих людей ничего не объединяло. Их помыслы были настолько размытыми, что ничего взамен нынешних порядков сумконоши предложить не могли. Вернее, предлагали каждый своё. С таким разнообразием во взглядах, они обречены были бороться целую вечность.

Тем не менее новгородцу эта возня доставляла удовольствие. Он подметил, что многие из тайного братства не столько стремятся изменить мир к лучшему, сколько получают, как и он, удовольствие от борьбы.

До сих пор основным занятием его знакомых было распространение слухов и сплетен, да устройство уличных представлений. Поначалу, плохо владея языком, Скоморох работал на подхвате. Затем ему стали доверять более серьёзные поручения. Пару раз он передавал какие-то свёртки нужным людям, а в лицедействах стал изображать то продажного чиновника, то иностранца.

Греческий язык новгородец понемногу освоил. Пара месяцев всего минуло, а он говорил так шустро, словно в Царьграде родился. Хотя в полной мере задействовать свои способности не получилось – сочинять на греческом он не мог. На русском же придумывал всякие дразнилки, вроде «Каллист в ухе глист», песенки похабные. Но что с того толку – кто здесь поймёт русскую речь. Пара новых приятелей – сумконош только и смеялись над его творчеством.

В бане они отдыхали долго. Плату здесь взимали только за вход, а потому посетители не спешили покидать заведение. Скоморох запросто проторчал бы до самого вечера, но Трифон напомнил о деле.

Он вытащил из сумки свёрток и протянул спутнику.

– Надень вот это.

В свёртке оказалась новая рубаха и украшенная дорогим шитьём накидка. В такое мог одеваться и богатый горожанин и средней руки чиновник.

– Зачем? – удивился новгородец. – Я доволен своей одеждой.

– Мы отправимся туда, где лохмотья могут помешать.

– Во дворец? – Скоморох скривил рожу.

– Вроде того, – ухмыльнулся товарищ.

Распаренное тело приятно обдувало ветерком. Мало-помалу на чистую кожу осядет пыль и ощущение свежести исчезнет. А пока идти никуда не хотелось, хотелось лечь в тенёчке и поспать пару часов. Но Трифон безжалостно протащил Скомороха через весь знойный город.

Неподалёку от старой стены Константина они свернули в переулочек. Тот выглядел разорённым и покинутым, словно сюда никто не заглядывал с тех пор, как отбили город у латинян. Дома явно нуждались в починке. Стены были испещрены следами от стрел и клинков, покрыты длинными языками копоти былых пожаров, а кое-где камни и вовсе вывалились из кладки. Крошка и битый кирпич усыпали проезд, покрывая серым налётом остатки выброшенной из домов утвари, брёвен от перекрытий и крыш.

Из множества разрушенных домиков сумконоша по каким-то неясным признакам отыскал нужный. Открыв дверь без стука, он втащил Скомороха внутрь. Здесь царило такое же запустение, как и снаружи. Прихожая была пуста, лишь в углу на гряде тряпья сидела нищая старуха, бормоча что-то под нос.

Трифон прошёл дом насквозь и открыл следующую дверь, которая выводила на задний двор. Скоморох последовал за ним. Они прошли какими-то тёмными межстенками, миновали зловонную выгребную яму, возле которой свежесть бани улетучилась окончательно, и оказались вдруг в роскошном ухоженном саду.

Среди кипарисов и платанов, рукотворных холмиков и прудов, раскинулись лужайки. Их соединяли кривые, посыпанные мелким камнем, дорожки, по которым расхаживали диковинные птицы с разноцветными перьями. Птицы помельче сидели на ветвях, а иные украшали пруды.

Каменные горки, фонтаны и изваяния, палисад из колючих кустов, цветники, оплётённые вьюном и виноградом решётки, делили каждую лужайку на множество укромных уголков. Беседки, шатры и открытые навесы предназначались для гостей. Они возлежали на подиумах, угощаясь вином из позолоченных чаш и плодами с серебряных блюд.

Некоторые лужайки были пусты, на других перед богатыми горожанами выступали танцовщицы. Юные девы в крохотных лоскутах одежды выводили на флейтах какой-то тягучий напев. Перенять его скоморох вряд ли сумел бы, слишком тонок казался он для гудка или рожка.

Трифон потянул товарища в сторону, где заросли кустов скрыли их от чужих взоров.

– Лучше не мозолить глаза здешним посетителям, – пояснил он. – Мы пробрались сюда с чёрного хода.

– Что это за место? – шёпотом спросил Скоморох. Хотя по шелесту платьев, журчанию вина, смеху и притворным стонам, доносившимся из шатров и навесов, он догадался, куда именно привёл его Трифон.

– Нимфей, – ответил тот.

– Что?

– Место, где юные прелестницы превращают государственных мужей в податливых и глупых ослов. Нимфы вытягивают из вельмож деньги, а когда нужно – и тайны.

Чуть пригибаясь, Трифон шёл вдоль дорожек без раздумий. Судя по уверенному шагу, он неоднократно бывал здесь, по крайней мере легко находил верный путь среди зелёного лабиринта.

Выглянув из-за куста, он осмотрелся, а затем потащил спутника под один из навесов.

– Быстрее!

Дух захватило у новгородца. Колыхаемые слабым ветерком полотно и кроны деревьев создавали под навесом дикое мельтешение света и тени. Золотая и серебряная посуда, стоящая на приземистом столике, добавляла к игре пятен отражений.

На укрытом ковром подиуме лежала молодая девушка в лёгкой тунике. Положив подбородок на шелковую подушечку, она разглядывала что-то через просвет трепыхающейся ткани. При этом беззаботно болтала ногами. Левая сандалия валялась на земле, а правая покачивалась вместе с ногой, зацепившись ремешком за палец.

Скорее услышав, чем увидев гостей, девушка приподнялась на локте и поманила мужчин рукой. Они подошли ближе, и Трифон уселся на краешек ковра. Скоморох же остался стоять, не смея приблизиться.

Гречанка была хороша. Ослепительно хороша. Волшебная обстановка не могла прибавить прелести и лишь подчёркивала то, чем уже наделила её природа.

Девушка взглянула на Скомороха и улыбнулась. Отодвинув уголок занавески, она показала Трифону на молодого человека, что отдыхал шагах в двадцати на лужайке и лениво рассматривал танцовщиц.

– Это новый помощник коноставла, – пояснила гречанка. – Он вхож во дворец, часто бывает у василевса. Думаю, тебе имеет смысл сойтись с ним поближе.

– Но как к нему подступиться? – спросил Трифон.

– Парень был у меня вчера. Мы поговорили о том, о сём. Кажется, он не слишком доволен должностью. Предложи ему больше, и он твой.

Она взяла с блюда персик и надкусила.

– Не похоже, чтобы он пришёл сюда развлекаться, – заметил настороженно Трифон. – Чего он один, кого ждёт?

Девушка улыбнулась. Пальчиком вытерла сок с губы.

– Он ищет меня. С самого утра не позволил присесть рядом с собой ни одной девице. Всё время оглядывается, ждёт. А сюда ему хода нет.

– Ты зацепила его, – хмыкнул сумконоша.

– Я могу выйти к нему и поговорить. Или познакомить с вами.

Она вновь посмотрела на Скомороха. В её взгляде появилась толика любопытства.

– Не стоит, – сказал Трифон. – Мне нужно выманить его подальше отсюда. Здесь много лишних глаз и ушей. Небось, не только мы ищем полезных людей.

Он задумался.

– Вот что. Дай мне какую-нибудь вещицу, по которой он узнал бы, что я пришёл от тебя.

Девушка сняла с туники застёжку и протянула Трифону.

– Вчера он оценил эту фибулу. И хотя хвалил ради разговора, думаю, запомнил.

– Отлично, – сжав в ладони вещицу, сумконоша метнулся к выходу.

Скоморох и рта раскрыть не успел, как тот скрылся за кустами.

– Присядь, – сказала девушка. – Отсюда куда лучше видно.

Он сел, стараясь не касаться девушки и не смотреть на неё. Получилось не очень удобно. Половина тела свешивалась с подиума, и нога сразу заныла от нагрузки. Однако Скоморох отчего-то боялся пошевелиться.

Через просвет в занавеске они увидели, как товарищ подошёл к вельможе и присел рядом с ним на корточки. Молодой человек сперва раздражённо ругнулся, но, увидев в руке гостя знакомую застёжку, поднялся. Что-то спросил. Трифон ответил, неопределённо махнув рукой.

Поговорив немного, оба разом поднялись и быстрым шагом отправились по одной из дорожек.

Девушка поправила занавеску.

– Что теперь? – подумал Скоморох вслух. – Он не сказал, ждать ли мне его здесь или возвращаться одному.

– Трифон встал на след, как охотничий пёс, и теперь не думает ни о чём кроме добычи. Думаю, он не появится до вечера. А, скорее всего, вовсе не вернётся сюда.

– Что же мне делать?

– Куда спешить, – девушка откинулась на спину и, не глядя, взяла кисть винограда из серебряной вазы.

Помотав перед глазами, словно оценивая на просвет качество ягод, осторожно, одними губами сняла нижнюю виноградину.

– Меня зовут Петра, – сообщила она. – Хочешь вина?

Так и не решив как ему поступить, Скоморох рассеяно кивнул. Девушка села, поджав под себя ноги. Ловко смешала воду с вином и подала чашу гостю. Но стоило новгородцу потянуться, как девушка перехватила его руку, а чашу отставила в сторону.

– Ты не отсюда, – сказала она, рассматривая запястье. – Ты с севера. Твоя кожа светлее моей, хотя солнце и потрудилось над загаром.

Неожиданно Петра положила его ладонь себе на грудь. Скоморох вздрогнул. Воля в один миг покинула его. Кровь бросилась в голову, вызывая жар. Удары чужого сердца, принимаемые ладонью, раздавались по всему телу. Девушка улыбнулась и потянула мужчину на себя. Когда их лица разделяло не больше пяди, она приостановила игру.

– Ты не сказал, как зовут тебя.

Скоморох ответил не сразу. Он сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, прежде чем смог произнести хоть что-то достаточно внятно.

– Я не могу открыть имя, – сказал он. – Таков обет. Люди называют меня Скоморохом.

– Я буду звать тебя Кекий. Так называли благодатный северный ветер древние эллины. Так до сих пор зовут его наши поэты. Ветер из далёкой страны очень важен для Византии. От него во многом зависит изобилие наших полей, пастбищ, виноградников и оливковых рощ. Его ждут с нетерпением, молят о нём небеса, изображают богом плодородия в росписях и в камне.

Петра улыбнулась.

– Ты, как и он, пришёл с севера. Такой же грозный, но такой же желанный, – она обрадовалась удачному сравнению. – Верно, и такой же плодородный?

Глава VIII. Патриарх

Поход в Нимфей стал началом чего-то большего. Сумконош вдруг охватило сильное оживление. В убежище каждый день прибывали какие-то люди из предместий, из других городов и фем. Мелькали подозрительные свёртки с оружием. Появилось серебро. Много серебра. Скоморох решил, что дело идёт к восстанию.

– Не выходи, – как-то предупредил его Дед. – Там прибыл монах от твоего священника. Вам, думаю, лучше не видеть друг друга.

Вечером зашёл Трифон и пояснил.

– Извини, но мы малость поможем твоему врагу. Он всерьёз роет под Каллиста, и мы просто обязаны использовать столь удобный случай. Тем более, что наши связи могут иметь решающее значение. Мы не воины. Мы не умеем брать дворцы и крепости. Зато в состоянии подбить на борьбу других.

По городу поползли слухи.

– Каллиста заносит... – говорили в народе. – Он умышляет против василевса... Патриарх в тайном сговоре с Палеологом...

Людям всегда интересно наблюдать за падением с вершины власти кого-нибудь из великих современников. Даже тех, кто сочувствовал патриарху, это зрелище завораживало. Народ жил ожиданием развязки. Московские монахи подогревали сплетни щедрыми угощениями. Сумконоши вносили лепту, заполнив питейные заведения разносчиками слухов. Почувяв смуту, в город проникали тёмные личности, которые принимались вести собственную игру.

В какой-то корчме припёртый пьяной толпой чиновник вынужден был признать, что да, в окружении императора растёт недовольство патриархом. Двор бурлит негодованием, и вот-вот свара выплеснется наружу. Поговаривали, что когда преданные люди намекнули Кантакузину на связь патриарха с опальным Палеологом, тот просто взревел. Василевс решил сделать соправителем сына и отправил патриарху гневное письмо с требованием скорейшего венчания Матфея.

Как бывает в подобных случаях, Каллист узнал о стусившихся над его головой тучах одним из последних. Алексей имел опыт тайных дел. Пребывая в чужой стране, он особенно строго придерживался главного своего правила – самому оставаться в тени. Даже купленные Щербатым мальки далеко не всегда знали, в чью пользу они работают, а потому слухи возникали как бы сами собой.

Каллист же терялся в догадках. С большей вероятностью против него могли умышлять паламиты-исихасты, вообще недовольное духовенство, генуэзцы, стремящиеся прибрать к рукам остатки торговли, венецианцы, требующие свою долю, мисяне, жаждущие полной независимости от Византии, сербы, что напротив, стремились возглавить православный мир после падения Константинополя...

Русский викарий занимал последнее место в долгом перечне подозреваемых.

После очередной вылазки в корчму, где пьяные братья притворно возносили императора и всячески унижали патриарха, Скоморох всерьёз задумался о последствиях. Помогать Алексию он не хотел, но в тайном обществе его голос звучал пока слабо. С другой стороны, так ли уж важно, станет или нет московский священник митрополитом? Ведь скоморох собирался разделаться с ним в любом случае.

Пожалуй, всё же важно, ведь покойный Калика не желал этого.

Новгородец обратился к Трифону с просьбой:

– Я смотрю, Каллисту недолго осталось носить регалии. Ты смог бы устроить мне встречу с новым патриархом? Но только так, чтобы я попал к нему перед московским викарием.

– Это возможно, – согласился Трифон. – Нынешний хартофилакс, патриарший печатник то есть, когда-то был среди наших сторонников. И хотя теперь он старается не вспоминать старых друзей, думаю, мы сможем устроить приём. Но чем это поможет тебе?

– Посмотрим. Есть на сей счёт задумка.

На Каллиста обрушился вал предостережений. Немногие друзья пытались предупредить, враги – запугать. Бешенство императора больше не выглядело политической уловкой. После отказа владыки возвести на трон Матфея, василевс всерьёз осерчал на него. Но куда более верным признаком краха стало отступничество многих сторонников. Окружением патриарха овладел ужас. Друзья побежали.

Наконец, какой-то юродивый возле Софии напроорочил Каллисту скорую гибель. Речь шла уже не о должности, а о самой жизни. В другое время священник не обратил бы внимания на болтовню убогого, но после стольких прозрачных намёков, он воспринял его слова серьёзно.

Последней каплей послужила стрела. Тот, кто послал её, промахнулся, а быть может, изначально целился мимо, желая подстегнуть страх. Патриарх, приняв стрелу за последний знак, больше не смог выдерживать напряжения.

Он тайно покинул столицу, выбрав для бегства Влахернскую гавань, ибо опасался, что в южных портах и на главных дорогах его уже ждут. Не наёмные убийцы, так имперская стража.

С дозорной площадки ворот Палация за отплытием священника наблюдали трое. Драган, Златопузый и воротный декарх Ставрос Апор. Небольшой кораблик, зашедший сюда накануне, покинул гавань и повернул к Босфору. Единственный человек, который зашёл здесь на борт, стоял на корме и тоскливо разглядывал город.

– Да поможет ему северный ветер, – задумчиво произнёс серб.

Товарищи повернули к нему недоумённые лица. Из них троих только Драган понял, кого они провожают. И судя по напутствию, догадывался, куда именно тот держит путь.

Серб не ошибся. Некоторое время спустя до Константинополя дошли слухи, будто Каллист объявился на острове Тенедос, заняв подобающее место в свите Палеолога, главного соперника нынешнего императора.

Должность вселенского патриарха освободилась. Каллист был низложен священниками, верными императору и теми, кто успел вовремя сменить хозяина. Много слухов ходило по городу, мол, то ли сербы, то ли болгары руку к перевороту приложили. Как-то подозрительно быстро собрались епископы и митрополиты, как-то единодушно избрали нового патриарха. Об участии северян шепталась лишь горстка посвящённых.

Патриархом стал Филофей Коккин. Он вряд ли знал, кому обязан возвышением. Последнее время его, потерявшего свою митрополию, занимали иные заботы. А виновники переворота не спешили открывать тайну. Суровый человек, Коккин мог и вспылить, узнав подробности заговора. Впрочем, в этом пока не было необходимости. Ставленник московского викария Георгий Пердика теперь вышел из тени и получил возможность влиять на решения владыки.

Уже через день после смены церковной власти, Алексей сидел, ожидая встречи в большой приёмной патриаршего печатника. Люди вокруг суеились, пытаясь наладить работу согласно вкусам нового хозяина, а викарий предавался мечтам о скором воплощении своих замыслов.

Вдруг в вожделенных дверях мелькнуло знакомое лицо. Выходящий от патриарха человек имел задумчивый вид. Случайно поймав на себе взгляд священника, он ответил пламенным вихрем ненависти.

Алексий смутился. Он попытался припомнить, где видел этого долговязого человека, но, перебирая в уме прежде всего константинопольских знакомых, в поисках не преуспел.

Когда он, наконец, узнал в человеке бывшего придворного скомороха новгородского архиепископа, того уже простыл след.

Алексий нахмурился. Что он делает здесь? Какие дела могут быть у далёкого лицедея к вселенскому патриарху? И не связано ли его появление с московским посольством? Очень на то похоже. Вот же! Два десятка монахов прошерстили весь город в поисках врагов и друзей, а соотечественника проморгали. Да не простого паломника или жалобщика, надо полагать. Если он попал на приём раньше русского викария, значит, имеет какой-то вес. Филофей только-только за дела взялся, и встречаться по пустяковому вопросу не станет.

Алексий почти не сомневался, что вопрос этот затрагивал лично его. И вряд ли в доброжелательном смысле. А значит, успех посольства повис на волоске. Сейчас он готов был отдать многое, чтобы узнать, о чём говорили новгородский скоморох и владыка. Но расспрашивать здесь некого, а догадаться самому уже не достало времени. Хартофилак вполголоса пригласил его войти.

Они были очень похожи друг на друга – русский викарий и константинопольский патриарх. Примерно одного возраста и сходной внешности (если не учитывать огненно-рыжий цвет патриарших волос), оба они выбивались за рамки обычного духовенства, уделяя много сил и времени политике и интригам. Оба пробивались с самых низов, начиная своё восхождение в иерархии со строгого монашества. Оба получили великолепное образование, но считались при этом больше практиками, нежели схоластами. Единственным, пожалуй, отличием, было происхождение. Если Алексей вышел из знатного боярского рода, то Филофей родился в семье бедняков и с детства вынужден был зарабатывать на хлеб и учёбу тяжёлым трудом.

Происхождение, возможно, и стало препятствием взаимопониманию.

Филофей исподлобья посмотрел на Алексея, небрежно перебрал грамоты, лежащие перед ним на столе, заглянул в одну из них, будто освежая память, вновь бросил суровый взгляд на посетителя, потербил бороду...

– Назначать митрополитов, выдвинутых местным духовенством, у нас не принято, – начал он, наконец. – Покойный Феогност отзывался о тебе наилучшим образом, но он неискушён был в вопросах подобного рода и опирался в своём выборе исключительно на интересы Москвы...

Филофей замолчал на время, изучая, как его слова отразились на викарии. Тот и бровью не повёл, хотя внутри бушевало раздражение. Новый патриарх затянул ту же песню, что и прежний. Напыщенным самодовольным грекам претило поддерживать человека со стороны.

Не прочитав ничего на лице Алексея, патриарх продолжил:

– Мы здесь заботимся, прежде всего, о деле веры. Судьба князей, царей, их государств и уделов нас волнует в ничтожной степени. Ты слишком заражён суетой, что охватила твою страну...

В словах Филофея не проскользнуло ни малейшего сожаления, но и злости или ненависти в них не было.

– И потому решение будет следующим: тебе надлежит остаться в Константинополе до тех пор, пока молитвы, духовное чтение, изучение трудов наших святых братьев не усмирят тебя, не наставят на истинный путь. Через шесть месяцев мы встретимся вновь. Тогда прошение Феогнosta и будет рассмотрено...

Алексий сдержанно поклонился и вышел.

Вернувшись в подворье, он первым делом усмирил бешенство продолжительной молитвой. Затем стал размышлять.

Итак, хлопотами ли скомороха или волей самого патриарха, но заветного «Аксиос» ему не услышать самое малое полгода. Так что же, смириться? Потерять ещё полгода? А что станет за это время с Москвой? Что будет с его замыслами?

Нет, нужно срочно что-нибудь предпринять. Вот только что? Привести на престол ещё одного патриарха? Это, пожалуй, было бы перебором. Да и нет никакой уверенности, что следующий священник не затянет ту же самую песню про местных выдвиженцев и их зависимое положение. Чёрт бы побрал этих греков!

Встреча с патриархом оставила у Скомороха неприятный осадок. Поначалу всё шло хорошо. Филофей принял гостя на редкость приветливо и выслушал его рассказ с большим вниманием. Возможно, причиной такого расположения были хлопоты сумконош, а быть может и то, что новгородец не просил ничего для себя лично. Он лишь болел душой за начинания Калики, величие которого не оспаривал даже Константинополь, и тосковал по утрате.

Филофей пообещал разобраться с Микифором, которого Скоморох обвинил в предательстве. Но стоило гостю завести речь об Алексии, как патриарх довольно грубо остановил его.

– Когда ты говоришь о том, свидетелем чему являлся, ты говоришь искренне. Но боже тебя упаси лезть в политику. Ничего, кроме сомнительных слухов о московском викарии, ты рассказать не можешь. Ты встречался с ним лично? Вёл какие-нибудь дела? Или, быть может, подслушивал разговоры? Полагаю, что нет. Все твои обвинения – суть домыслы. Домыслы предвзятые и заквашенные на ненависти.

Филофей перевёл дух и добавил примирительно:

– Предоставь нам самим разобраться в достоинствах и недостатках Алексия. Поверь, мы не допустим к пастырской власти человека с грязными помыслами или скверной душой.

Выходя от патриарха, Скоморох чувствовал себя побитым псом. Красивая возможность сорвать замыслы викария с помощью церкви казалась ему навсегда утраченной. Предстояло искать другой путь для мести.

Тут-то он и наткнулся на взгляд заклятого врага. Н-да, Трифон выполнил обещание буквально – патриарх встретился с ним прямо перед приёмом Алексия. Обдав викария взглядом, полным кипящей ненависти, и спешно покинув палаты, Скоморох отправился к нищим приятелям.

Он ожидал застать веселье по случаю удачно завершённого переворота, или добрую пьянку по тому же поводу, но убежище встретило его деловой суетой. Сумконоши возбуждённо спорили, доказывали что-то друг другу. Они явно замыслили новые козни, готовили новую интригу.

– Вы разве не добились своего? – спросил Скоморох, устало присаживаясь на пол.

– Будем выступать против Филофея, – заявил с блеском в глазах Дед. – Да и с императора пора стянуть порфирные сапоги.

Часть Вторая Запах наживы

Глава IX. Купец

Городец Мещёрский. Апрель 6862 года

Миновал День Гусениц, или как его называли иначе – День Выползания Змей. Весна разгоралась. У православных началась пасхальная неделя, а у лесных народов Каньмы. Праздник не из шумных, скорее напротив – неделя покоя. Вплоть до самых земных именин, то есть до сева, природу тревожить было не принято. Вечерами не гуляли, громких разговоров не вели, по дорогам лесным предпочитали не ездить, а коли нужда возникала, шли тихо, словно без спроса по чужой земле пробирались. Даже запахами мещёрцы старались не волновать понапрасну лес. Смолокурни, коптильни, чадающие печи погасли, вонючие дубильные чаны были упрятаны до лета. Запах города, перебивая весеннюю свежесть, мог распугать зверя.

Великий был смысл в обычае народном. В эту пору природа пробуждалась, набиралась сил. Каждый нынешний день будущим богатством оборачивался. Зачем же самих себя разорять от глупого нетерпения?

После долгого зимнего затишья первый иноземный гость – большое событие для любого торгова. Знающие люди поговаривали, что многое в хитром купеческом деле от зачина зависит. Весь год, мол, может первой сделкой как поповским благословением осенить. Правда, на Мещере и попам, и чужим приметам верили мало, торговали здесь всё больше вещами обыденными, привоз от соседей был невелик, а заморским товаром и вовсе не жили. Но всё же опытный народец лишним знаком брезговать остерегался. Поэтому стражники, что прохаживались вдоль берега, заметив чужой корабль, как-то непроизвольно подтянулись, расправили плечи, глянули друг на друга – достойный ли вид у княжеских порученцев, а, оставшись видом довольны, степенно направились к причалу.

Пришедший с низовий корабль выглядел тростинкой, изжёванной и сплюнутой какой-то чудовищной пастью. Доски на его боках разошлись, ошетинились щепкой, всюду открылись трещины, виднелись дыры, наспех заложенные просмоленной тканью. Один из боков был разворочен почти до самой воды. Прореху закрывал туго набитый чем-то мешок, запёртый обломком весла, а целых вёсел по бокам ладьи обнаружилось только четыре из восьми.

– Оно понятно, – решили стражники, – реки совсем недавно очистились, и, видимо, бедолаги ещё застали на Волге ледяные поля, а то и пробивались навстречу плывущим льдинам. Суровые люди, эти первые гости.

Куда менее привычные повреждения можно было увидеть выше. Нос корабля был начисто снесён. На короткой подрубленной щегле нелепым пузырьём обвис парус. В самом парусе зияла дыра с обгорелой каймой. Следы огня виднелись и повсюду на досках. Вряд ли парни с огнём не управлялись.

Тут, – решили стражники, – наверняка не обошлось без дорожных стычек.

Из побитого судна выбрался краснолицый хозяин в коротких сапожках, чёрной просмоленной куртке и необычной для здешних мест тряпичной шапке с полями. Иноземец заметно хромал и часто озирался, будто сомневаясь, что на берег сошёл наконец, а может, и опасаясь кого-то. Медленно ковыляя, он направился к стражникам. С увечьем справлялся кое-как, вероятно получил его в пути, и ещё не приспособился к неудобству. Четверо его помощников выскочили из корабля резво но, едва укрепив ладью, рухнули без сил на берегу. Как у них хватило удачи выгрести вчетвером и без смены против течения, можно было только гадать.

Стражники с уважением смотрели на кораблик, и на людей, и на краснолицего владельца, пока тот не дохромал до них.

– Ярмарок есть в городе вашем? – спросил гость, с усилием подбирая слова.

– Торг что ли? – переспросил один из стражников. – Да, есть. Невеликий, правда.

– Пошлину старосте заплатишь и торгуй, – добавил его товарищ и указал рукой на дорогу, что поднималась к крепости. – Спросишь Лешака, он и есть староста.

Подобрав какую-то палку и опираясь на неё, краснолицый поковылял наверх.

Глава X. Чародей

После нескольких лет непрерывных сражений и походов, Сокол с большим удовольствием наслаждался бездельем. Осень и зима прошли на редкость спокойно для его ремесла. Ничего из ряда вон выходящего не случилось; опасные свечи в колдунских домах не воспламенялись, призывая к битвам и подвигам, а мелкие неприятности, какие сами собой находились в любую пору, только обрамляли спокойствие возможностью освежить навыки и размяться.

Правда последние дни чародея стали тревожить непонятные сны. Они не поддавались разгадке, и вообще какому-нибудь осмыслению. Рваные лоскутья видений возникали под утро перед пробуждением, на самой грани яви и сна. Страшные безумные образы появлялись на короткий миг и тут же растворялись, едва успевая царапнуть сознание. Только эти царапины и оставались в памяти, когда ночь отступала, но разгадать по ним суть чародей не сумел.

Вещими снами природа его не наделила, а потому к мрачным видениям Сокол отнёсся как к досадной помехе, мешающей разве что как следует выспаться.

Вурды, казалось бы, тоже свыклись с сытой и беззаботной жизнью. В начале осени ещё тосковали по приключениям, а ближе к зиме вдруг загорелись пристроиться к ремеслу. То ложки резать брались, то посуду лепить. Брали уроки у Рыжего, нанимались в помощники к лесорубам, помогали рыбакам, что заводили невод под лёд в большой полынье напротив Лысого холма. Надолго, однако, нигде не задерживались. Там и сям набирались знаний по верхам и спешили сменить занятие.

По весне же в них вновь стал пробуждаться зуд приключений. Неведомые частицы их естества копили подспудно тайную силу и вдруг оживали разом, подобно почкам на гибких ветвях, что взрываются зеленью листьев.

И вот вурды преобразились. Их взгляды наполнились потаённым смыслом. Сонные днём, они становились весьма деятельными ночью. О чём-то шептались, что-то готовили. Даже шерсть изменила цвет и блеск, как бы принаравливаясь к грядущему перелому судьбы. Сокол в который раз начинал подумывать, а не отселить ли часом загостившуюся парочку. Он даже согласен был поучаствовать в возведении или покупке отдельного дома.

Но днём страсть угасала до едва заметного тления. Чародей и мохнатые приятели пребывали в благодушном покое.

Они молчали втроём, когда неожиданно на улице послышался шум толпы. И на вурдовых лицах заиграли улыбки – вот оно!

Пёс насторожился – тихая чародейская слободка не место для народных гуляний, тем более сейчас, когда город чтит Канамы. Хотя, по правде сказать, и в самый разливной праздник люди заходили сюда только по делу.

Сокол сперва подумал, не несчастье ли приключилось. Не помер ли князь часом. Поспешил открыть дверь. Нет, беды не случилось – рожи у людей сплошь весёлые, возбуждённые.

Впустив несколько мужиков, привёл их в комнату. Те сдержанно вурдам кивнули – привыкли к постояльцам чародейским в городе, но всё же держались от мохнатых подальше.

– Купец прибыл с грузом редким, – сообщил один из посланцев. – Торговцы наши мещёрские, но в особенности Ондруп с Чунаем просят тебя присмотреться к товару, нет ли подвоха какого. Больно уж необычен он для убогого нашего торгова.

– Что за товар? – спросил Сокол. – Меха? Шелка? Железо?

– Груз пахучий, – ответил мужик. – Редкости южные, что по слухам цари да богатеи в еду добавляют. Цена ему немереная, но, говорят, и прибыль подстать затратам.

– Пряности, – понял чародей. – И впрямь необычный товар. Что ж, пожалуй, не откажу купцам в помощи.

Ну вот, ещё одно непыльное дельце для разминки ума нашлось.

Вурды засобирались.

– Вот ведь, что удумали, – проворчал Быстроног. – Еду корешками портить, да листиками всякими. Нет, когда брюхо слабеет, я всегда коры ивовой пожевать готов. Но чтобы такую дрянь ради удовольствия подкладывать... так и промаешься с брюхом всю жизнь.

– Они ж мертвечину едят, потому и перебивают запах разными снадобьями, – пояснил Власорук.

Ворчание их, однако, не могло скрыть радости. Весна пришла.

На мещёрском торгу образовалось сущее столпотворение. Здесь собралась, наверное, половина города. Собственно, торга уже и не было. Вся купля-продажа прикрылась, завсегдатаи столпились у иноземного гостя, что опираясь на палку, расхаживал вдоль своих бочонков с таким беспокойным видом, будто излишнее внимание мещёрцев ему вовсе не на руку.

Поглазеть на иноземцев здешние люди любили. Поглазеть, а особенно послушать. Любопытно же, как там в чужих землях всё обстоит. Последние год-два из дальних гостей только Чунай в их город заглядывал. К нему давно уж привыкли, за своего считали, но послушать всегда любили. На притчи Чуная народ собирался, как на представление скоморошье. А сейчас не слушал никто ханьского купца, все на товар глазели. Да Чунай и сам больше по привычке историю какую-то бормотал. В оба глаза на груз смотрел.

Сокол встал в сторонке, не торопясь объявляться. Сперва хотел присмотреться, послушать, а уж потом за работу браться.

Небольшие бочки, в каких обычно возят недорогое вино, стояли рядом и были наглухо закупорены. Поверх них, в маленьких деревянных коробочках, лежали образцы.

Пряный запах сочился сквозь плотно закрытые крышки, а когда чужеземец приоткрывал то одну, то другую для наглядности, дух пробирал до щеки в ноздрях. Для Канамы с запретами строгими слишком резким казался запах, но с другой стороны – ведь не вонь какая-нибудь. Благородные пряности. А на их счёт обычаи лесные однозначных толкований не давали.

Сокол без труда различил запахи. Перец, имбирь, другой перец, корица, ладан, гвоздика и ещё одна разновидность перца... множество всяких пряностей. В каждой бочке особая, а бочек полторы дюжины. Богатство несказанное.

Купцы на товар смотрели, словно владыки восточные на чистокровного арабского скакуна, а простой люд и вовсе как на золотую бабу, о которой слух далеко на севере ходит. Из народа, что на торге собрался, кроме Сокола, пожалуй, только Чунаю довелось попробовать некоторые из этих диковин на вкус.

– Чего твой сам не везёт дальше? – спросил Чунай гостя.

– Народу у меня мало осталось, – буркнул тот. – Шестерых потерял, пока от моря до вас добрался. Мачту сломал. Корабль, что решето, дыра на дыре. Да и люди давно на пределе.

Окружающие поохали сочувственно. Только самые прожжённые из купцов между охами прикидывали, нельзя ли чужой бедой воспользоваться.

Лапша привёл полдюжины дружинников. Троих поставил рядом с купцом, чтобы не обидел кто ненароком. Ради такого «зипуна» иные ватаги и на город наскочить осмелятся. А потому Лапша, подумав, и на стенах народу прибавил.

Ондроп и Чунай вертелись рядом с бочками, что лисы возле птичника. Собственно, кроме них на такой товар роток открывать было некому. Местные купцы сроду дальних путешествий не предпринимали. В соседние города местный товар возили, оттуда с чем-то возвращались, а перекупать кораблями, чтобы потом за тридевять земель везти – кишка у них тонка. Да в Мещёрске с таким товаром прежде и не вставал никто. Некому здесь пряности предлагать. В Москве или Нижнем ещё могли бы перекупщики найтись на такую прорву. А здесь даже Чунай с Ондропом не спешили цену спрашивать.

– Кабы мешочек того взять, да мешочек другого, я бы, пожалуй, и подумал, – заявил Ондроп. – На щепотку покупателя всяко найду, не здесь так в Муроме, или Переяславле... А то и в Москву можно наладиться. Но по пуду брать, тут совсем иные расчёты...

Чунай закивал часто, подтверждая, что, и ему столько не поднять.

– Всё разом продаю, – отрезал гость. – Гуртом. По мелочи торговать не буду. Не продам здесь, лучше дальше по реке пойду.

– Потопнешь, – заметил кто-то, жалеючи.

– Значит судьба такая, – спокойно ответил гость.

– Ты не спеши, добрый человек, – принялся спорить Ондроп. – Давай и так и эдак обсудим, глядишь, сообразим что-нибудь ко всеобщему согласию.

Народ одобрительно зашумел.

– Соображай, – кивнул гость. – Хотя несколько дней соображай. Но не больше. Частями продавать не буду, а цену разумную предложишь, так подумаю. Но в убыток себе продавать не стану. Лучше потону.

– Может, встречным товаром возьмёшь? – предложил Тарон. – У меня как раз мёд прошлогодний с воском на продажу готов.

– Нет, – гость качнул головой. – Опять с грузом связываться охоты нет. Да и кораблик долго не протянет. За серебро или золото продам.

Он подумал и добавил:

– Ну разве что мехами дорогими могу взять, если серебра не доберёте.

Народ протяжно вздохнул. Дорогие меха в городе видали ещё реже, чем золото.

Пока купцы приценивались, Сокол спустился к пристани. Поговорил со стражниками, что первыми встретили гостей и успели за несколько часов кое-что выведать. Вместе с ними с берега чародей осмотрел потрёпанную ладью, но близко не подходил и прибывших на ладье людей не расспрашивал, не желая открывать им своё любопытство. А четверо корабельников уже малость пришли в себя. Расселись вокруг небольшого костерка и затеяли обед, который состоял из пустой каши да речной воды. На болтающего со стражниками старика утомлённые люди внимания не обратили. Сокол же, постояв немного, вернулся обратно на торг.

Теперь он не стал прятаться за спинами любопытных, а сразу вышел вперёд. Кадомский купец, заметив его, тяжело вздохнул. Видимо, уже отчаялся уговорить упрямого гостя.

– Ну что, чародей, можешь товар проверить? – спросил Ондроп.

Гость при слове «чародей» нахмурился. То ли колдовства не приветствовал, то ли за груз испугался. А может, тайну какую-то раскрыть побоялся.

– А не подпортит товар магия? – спросил он.

– Ну, это ты брось, – отмахнулся Ондроп. – Тут никакой скверной магии вашей, одно доброе волшебство. За Сокола сам князь поручиться может. Да что князь, весь город... Вон хоть у воеводы спроси.

Гость обернулся к Лапше, тот кивнул. Но иноземца поручительство воеводы не успокоило. Прищулив глаз, он некоторое время смотрел на чародея. Затем неохотно буркнул:

– Что ж, смотри.

Сокол ещё раньше подозрением к чужаку проникся, а на берегу, узнав подробности, утвердился в сомнениях.

И правда, с таким товаром на Мещере делать нечего. Тем более гуртом торговать. Даже на Москве или в Угармане постараться нужно, чтобы отыскать покупателя на целую ладью пряностей. Но Нижний Новгород гость миновал, а до Москвы не добрался. Здесь пристал, на мелком торжке, где иноземный товар перекупали неохотно и уж во всяком случае, не в таких количествах.

Не то подозрительно, что в Мещёрске встал, а то, что большие города пропустил. Вот что самое интересное. Не на последних же вёрстах он корабль разбил и людей потерял. Здесь нынче спокойно. Значит, нарочно в Нижний не зашёл. Почему?

Сокол присмотрелся к грузу. С разрешения хозяина открыл одну за другой коробочки с образцами. Затем осмотрел бочки. С его способностями бочки можно было и не вскрывать, мёртвое дерево колдовству не помеха.

Подмены не было, это Сокол быстро определил. Никаких катышков мышиных в перце, никакой сосновой коры в корице подмешано не было. Какого-нибудь другого мухлежа он так же не заметил. Бочки наполнял тот самый товар, что лежал в коробочках. Не был груз и подпорчен. Ни водой, ни чарами, ни чем-то ещё. Одним словом, товар был превосходный. За такой в Нижнем или Москве серебра по весу получить можно. Если, конечно, найдётся любитель голову на кон поставить... а где-нибудь в Бремене, пожалуй, и золота по весу отвалят.

Однако подозрение не оставляло Сокола. Гость явно хитрил, и чародей чувствовал это. Он вновь перевёл взгляд на торговца. Того всё больше охватывало беспокойство. Явно не терпится поскорее сбыть груз и удрать. Теряет он от поспешной сделки немало. Половину почти теряет. Странно.

Гость волновался. Народ, затаив дыхание, наблюдал над молчаливым стоянием чародея. А тот не спешил с ответом. Подозрение в подвохе не отпускало его.

Может быть, товар краденый? Это многое бы объяснило в поведении заезжего гостя. Взял разбойничек груз и сбыть поскорее желает. Вон глазки так и бегают... Тут, конечно, при покупке опасность есть на настоящего хозяина нарваться. Но по здешним законам честный купец за разбойника не в ответе. Да и не меченый груз, чтобы запросто доказать кражу. Пересыпать пряности в другие бочки, и всех хлопот.

В который уж раз чародей принялся разглядывать груз. Была одна странность в самих пряностях. Не все они были индийскими или ханьскими. Вот этот перец, именуемый райскими зёрнами, родом из Африки. Да и не только он. А зачем, спрашивается, кружным путём африканские пряности тащить, через две орды, через Русь. Платить на каждой границе, разбойникам подставляться. Куда удобнее гемузцам продать прямо на побережье.

Впрочем, купеческие пути сродни ветру степному. Как только не носит бедолаг по свету. Бывает, и до соседнего города через полстраны пробираются.

Ондроп теребил бороду, ожидая решения. Денег у него даже на четверть груза не набралось бы. А упускать своего не хотелось. Жадность довлекла. Вот кабы чародей подвох обнаружил, так и повод бы нашёлся забыть о наживе, но до тех пор хоть на куски режь...

— Товар отменный, — заявил, наконец, Сокол. — Здесь, правда, его не продать, нужно в большой город ехать, в Москву или в Нижний. В Пскове неплохо заработать можно, да только там сейчас...

Недоговорив, он шагнул в сторону. Советы торговые давать не его дело. На то у купцов своя голова. Чародея пригласили лишь проверить качество. Он проверил, что же ещё?

Сделав ещё один шаг, Сокол вдруг замер. Неведомо откуда пришла тревога. Тошнотой подступила к горлу. Что-то из недавних снов прорвалось наяву. Могильным холодом дых-

нуло среди белого дня. Почудилось на короткий миг, будто пропали все люди, что толпились вокруг. И купец пропал, и стражники. А вместо людей расхаживали по торжищу безобразные твари. Да и не торжище вовсе предстало перед ним в наваждении. Земля совсем не вытоптанная, мягкая, с ровными рядами бугорков, заросших высокой травой. Больше на кладбище брошенное похоже.

Увидев бледность на лице чародея, и гость, и местные купцы разом забеспокоились. Не почуял ли он чего напоследок? Кто-то из дружинников уже и к мечу потянулся. Скажет сейчас Сокол, мол, хватай вора, так промедления за ними не будет.

Но нет. В наваждении Сокол не почувствовал даже малейшей связи с пряностями, разбитым кораблём или его хозяином. Быстро отпустило видение, осталась только тревога.

Заметив всеобщее волнение, чародей выставил вперёд ладонь, мол, не вас касается. Успокоил. Только Чунай глаз прищурил, новую загадку узрев. Большим охотником он был до чужих тайн.

А Сокол больше о товаре не думал. Домой бы надо поспешить, лучину опасную проверить, не возгорелась ли, предупреждая о лихе.

– Совет дам всё же, – сказал он на прощание купцам. – По одному не взять вам товар. В складчину берите. Да не на двоих или троих – артель паевую собирайте. И с деньгами не надорвётесь, на чёрный день семьям оставите. Потому как с таким грузом можно запросто и без головы остаться.

– Твой правильно думать, – одобрил Чунай. – Мой готов войти в долю.

– Мысль хорошая, – согласился Ондруп. – Да только за пару дней не соберём мы нужные средства. Тут на один только договор сколько времени уйдёт, а ещё найти надобно людей, обговорить, куда с товаром двигать, да много чего ещё обсудить следует.

– Тут главное кличь кинуть, – встрял кто-то из местных купцов. – А там быстро наберём желающих. Что, господин хороший, подождёшь ещё денька три?

Гость раздумывал долго. Что-то беспокоило его в необходимости ждать.

– Обещаешь, что за три дня соберёте требуемую сумму? – обратился он к Ондропу, которого для простоты признал за жожака купеческой ватаги.

– Обещаю, – заверил тот, не подумав в запарке, осилит ли такое дело.

– Хорошо, – гость устало присел на бочонок и опёрся о палку.

Короткая торговля с лесовиками и их колдуном вымотала его хуже долгого и опасного плавания.

Народ зашумел, обсуждая, кто из мещёрцев решится в долю войти, да у кого средства лежат без проку. Вурды присоединились к спорам, больше мешая, чем подсказывая.

Сокол же, получив несколько монет за работу, поспешил домой. Он почти не сомневался, что обнаружит признаки серьёзной беды. Но ошибся. Опасная лучина даже не тлела. Пёс дремал. А неясное беспокойство только усилилось. Чародей зашёл к Вармалею, к Каване, спросил, может, они заметили что-нибудь необычное. Но колдуны пожимали плечами. Они ровным счётом ничего не почувствовали, и Сокол остался со своими тревогами один на один.

Уже к вечеру город разогрелся настолько, что готов был вскипеть. Чунай и Ондруп, однажды решившись, больше не сомневались, и развернули бурную деятельность. Правда поначалу эта деятельность проявлялась лишь в построении замыслов.

Странным образом предприятие двух купцов охватило лихорадкой весь город. Даже далёкие от торговли люди загорелись общим делом. Приводили к Чунаю с Ондропом состоятельных знакомцев, а то и сами в складчину малой монеткой в деле поучаствовать вызывались.

В корчме Байборея только и разговоров было, что о ценах на пряности, о тех или иных случаях, когда знакомые купцы отваживались на дальний поход. Люди обсуждали возможную прибыль, словно уже участвовали в деле, спорили об опасностях, словно уже поступили в купеческую ватагу. Всплывали в разговорах названия стран, городов, о которых до сих пор многие даже не ведали. А тут вдруг всё до мелочей припомнили: какие пошлины где берутся, да какие пути чего сулят; где война застарелая тянется, где мор всё ещё лютует, где чужаков обирают больше обычного, а где и на сук могут вздёрнуть.

— Севером надо идти. Через Псков и Варяжское море. Большая часть пути на русские земли придётся, а меньшая на море. Разбойники хоть тут и там водятся, зато на пошлинах большое облегчение выйдет.

— Эка, сказал! Псков ещё мёртвым стоит. Слыхал, что про Сокола рассказывают? Едва живым ушёл, говорят, оттуда. Да там сейчас ни корабля доброго не отыщешь, ни защиты не получишь от разбойников. Нет, через Польшу сухим путём следует двигаться. Оно, конечно, многим заплатить придётся, зато и дорога короче.

Общепризнанным выходило предприятие. Кто-то предлагал южный путь, кто-то сомневался и выступал за то, чтобы сбросить всё в ближайшем же крупном городе, мол, пусть и невелика прибыль, зато надёжна. Каждый из купцов свой путь предлагал, но с деньгами не спешил расставаться.

Загорелись, ослеплённые возможной наживой и простые горожане.

— Подумать только! — восхищался кузнец. — Если я, скажем, дом заложу с кузницей, то по возвращении три дома купить смогу и три кузни в придачу...

— Не лез бы ты не в своё дело, мил человек, — осаживал его товарищ. — На кой ляд тебе три кузни?

— Ну, это я для примера.

— Ты для примера подумай, где твоя жена с ребятишками жить будут, если ты голову сложишь дорогой. Торговля — это ведь о двух концах палка. Тебе ондропова удача глаза застилает, а ты лучше Палмея вспомни. Куда как осмотрительный был человек, а и тот сгинул.

— Ну, так с Ондропом же и пойдём, да с удачей его. Зато если вернёмся, потом ни в чём отказа не будет. Заживём, как князя...

— Дурень ты... — знакомец постучал пальцем по лбу.

Но таких рассудительных и осторожных было сейчас явное меньшинство.

Глава XI. Ромка

Из всего города пожалуй только Рыжий не принимал в суматохе никакого участия. К торговле он был равнодушен, а заразить ушлого парня всеобщей лихорадкой было не так-то просто.

На следующий после прибытия иноземца день, когда народ потянулся кто на торг, кто к Байборею в корчму, чтобы за пивом продолжить споры, Рыжий спокойно возился с Данькой, приучая того к дедовскому мастерству. Лепили из глины козочку и птичку. На что-то большее двухлетний мальчуган пока не годился.

А вот отцовское шальное ремесло Рыжий сыну прививать не желал. И не потому что мал тот годами – время быстро летит. Но возникло вдруг у него неприятие одной только мысли, что сын по стопам отцовским пойдёт. Спору нет, весело он время проводил в лихих набегах, но вот на сына примерить не получалось. Пусть лучше с глиной возится, в самый раз занятие.

Настя с удовольствием наблюдала за их вознёй. На чужой стороне она освоилась быстро. В Москве приходилось среди изгоев жить, привыкла неприметной оставаться. А здесь ходила свободно и даже косога взгляда не поймала ни разу. С Рыжим душа в душу жили, сын подрастал. Большого молодая женщина и не желала.

Правда, зная за мужем неусидчивую его природу, догадывалась, что тот когда-нибудь не выдержит и выпорхнет на вольный свой промысел.

Поэтому услышав робкий стук в дверь, Настя даже не усомнилась в причинах. Вдохнула, и впустила гостя.

Гостем оказался Ондруп. поприветствовав семейство, уселся на предложенной лавке.

– Дело у меня к тебе, – сходу начал он. – Сокол посоветовал обратиться, сказал, что лучше тебя не найти человека.

– Слепить чего надо? – ухмыльнулся Рыжий.

– Чего слепить? – не сразу понял купец, но, увидев в руках мальчонки неказистого жаворонка, махнул рукой. – Нет, этого добра мне не надо. Артель мы собираем, слышал, наверное? Посоветовались и решили тебя позвать. Денег-то соберём, пожалуй, да и в удалцах недостатка нет. Но вот как бы всё устроить половчее, тут светлая голова нужна. Вроде твоей.

– Да ты что? – воскликнул хозяин. – Одна она у меня, голова-то. Сейчас весь город только и говорит, что о товаре заморском. А через день другой все ватаги на сто вёрст вокруг слюной изойдут от такого зипуна. Гиблое дело. Брось, Ондруп, эту затею, послушай доброго совета. Пусть залётный гость сам выбирается со своим грузом. Вот увидишь, через неделю за бесценнок отдать будет готов.

Рыжий, размышляя, помял комок глины.

– Выкупить груз не задача, – добавил он. – Куда труднее будет вытащить его из Мещеры.

– Потому к тебе и обратился, – купец улыбнулся. – Ты же тёртый калач, откуда угодно выскользнешь. Хоть из пекла самого. А мы не обидим, за хлопоты долю положим.

Рыжий как-то затравленно взглянул на Настю. Потупился.

– Отошёл я от дел, Ондруп. Семья у меня теперь. Неохота мне от неё никуда уходить. Тем более, в опасные дела лезть. Когда один куковал, так только в охотку страсти эти были, а теперь...

Рыжий вздохнул. Но слишком тоскливо для твёрдого и решительного отказа вздохнул, и потому купец тут же принялся дожимать.

– А ты не спеши с ответом-то, ты подумай. Не каждый день такое дело подворачивается. Жаль своё упускать-то. Тут ведь даже не вдвое прибыль обещает быть...

– Подумать мне надо, Ондроп, это верно, – согласился Рыжий. – Ты иди, пожалуй. Я завтра ответ дам. Да и заказ срочный сперва выполнить нужно. Корчаги под мёд и воск для Тарона слепить. А уж тогда поглядим, может, и над твоим вопросом покумекаю.

– Это же сколько времени ты на корчаги свои положишь?

– А сколько надо, столько и положу, – огрызнулся Рыжий. – Не хочешь ждать, ищи другого дурака, кто груз повезёт.

Как только купец вышел, Рыжий виновато взглянул на Настю.

– Уже надумал? – усмехнулась она. – Вижу, что надумал. По волюшке скучаешь?

– Не обойтись им без меня. Пропадут ни за что, – попытался обосновать тот своё решение, хотя и сам понимал, что звучит это малоубедительно.

Они замолчали. Данька долепил птицу и протянул отцу. Тот поправил немного шею, прищипнул крылышки и вернул поделку сынишке. Сделал это, не думая, как бы само собой. Сам же то и дело косился на Настю.

Схватив жаворонка, Данька побежал к матушке похвастать работой.

– Да чего там, – вздохнула Настя, сажая сына на колени. – Весь город с ума сошёл, где уж тебе в стороне оставаться.

Рыжий молча обнял жену и сына. Так и просидели они весь вечер, то ли прощаясь, то ли подбадривая друг друга.

Эх, повезло ему с Настей.

На счёт лиходеев Рыжий оказался прав. В городе уже через день во множестве отирались подозрительные мужики не из местных, и без какого-либо явного дела. Их до поры не трогали, ибо не было к тому серьёзных оснований, но всячески избегали.

Рыжий разыскал Ондропа с Чунаем в корчме Байборея. Лицо кадомского купца расплылось улыбкой, но Рыжий сразу его остудил, условие выставив.

– Возьмусь за работу только если всё по-моему делать будете, – заявил он. – Не то и разбитого горшка на успех не поставлю, а уж своей головы тем паче.

Ондроп принялся было возражать, выставлять надуманные оговорки, беспокоиться о собственном месте в деле. Чунай же молчал, привычно пряча улыбку. Его подобное верховенство в искушение давно не вводило.

– Нет, нет и нет, – оборвал Рыжий стенания Ондропа. – Либо выполнять будешь безропотно всё, что я накажу, либо без меня обойдётесь. Впрочем, роптать можешь сколько угодно, но так, чтобы другие не слышали.

Взглянув на ханьского подельника, и получив в ответ равнодушное пожатие плечами, Ондроп сдался.

– Теперь о главном, – Рыжий напустил на себя серьёзный вид. – Сколько тот иноземец за груз запросил?

Выслушав ответ, он почесал ухо.

– Н-да. Многовато. Надо бы ещё малость сбавить.

– Куда там, – отмахнулся Ондроп. – Бараном упёрся гость. И слышать больше не желает о скидке.

– Повидаюсь с ним, – хмыкнул Рыжий. – Авось уговорю...

Он встал.

– Вы здесь ждите, а я мигом.

Чужестранец заметно волновался. Не по себе ему было с таким богатством в незнакомом городе торчать. Даже стражники княжеские не казались надёжной защитой. Но, выслушав предложение, сбавлять цену наотрез отказался.

– Подумай вот о чём, – протянул Рыжий. – Ты с выручкой такой далеко не уйдёшь. Сейчас за тобой неплохо присматривают, а как серебро блеснёт, у многих разум от соблазна помутится. Уж будь уверен.

Он показал на корабль и добавил:

– А на развалине своей только рыбу пузырями распугаешь, когда тонуть начнёшь. Нет тебе по реке пути. Но и сушей далеко не уйдёшь лесами нашими, да с ногой увечной. У нас, бывало, и дружины до косточек обгладывали, не то, что путника одинокого.

Вывалив все страхи, которые и без того укоренились в душе гостя, Рыжий подождал, пока волнение собеседника не обозначилось дальнейшим покраснением лица, и предложил:

– Давай договоримся. Ты цену сбавишь, ну скажем на четверть. А я тебе помогу из города незаметно утечь. До московских земель провожу, там уж сам выберешься. И в Москве подскажу к кому обратиться, чтобы к немецкому или итальянскому кораблю пристать. С ними тебе спокойнее будет до родины добираться.

Отставив палку, гость погладил больную ногу. Задумался. А потом обречёно кивнул.

Весьма довольный собой Рыжий вернулся в корчму.

– Ну, в общем так, – объявил он купцам. – Цену иноземец скинул. На четверть.

Получив свою долю уважительных и признательных взглядов, он перешёл к делу.

– Теперь вот что... Работы много предстоит, а времени совсем ничего. Одному мне всё не осилить. Посему на вас ляжет сбор средств. Сроку вам на это два дня. Ищите купцов, богатеев, кого хотите, дело ваше. А я займусь подготовкой и подбором людей. Абы кого набирать не буду. Каждый человек полезен должен быть.

Купцы против такого разделения возражать не стали, потому Рыжий продолжил:

– Ладью возьмём твою, Ондроп. Из людей корабельных оставим, какие мне покажутся, остальные пусть дома тебя дожидаются.

Купец открыл было рот, чтобы возразить, но Рыжий коротким взглядом заткнул его, затем поднял палец.

– Пойдём с грузом в Краков, – объявил он так торжественно, словно до него об этом городе никто не слышал. – Набираем пару десятков людей в охрану и на вёсла. Считаю нас и ещё кое-кого, двадцать пять человек будет. Каждому кладём по паю. Итого двадцать пять паёв на тех, кто головой за успех отвечать будет. Семьдесят пять паёв поделим на тех, кто серебром вложится в товар или в расходы дорожные.

– Справедливо, – согласился Ондроп и взглянул на Чуная.

Тот кивнул.

– Стало быть, за работу, – Рыжий хлопнул ладонью. – Встречаемся здесь послезавтра и составляем грамоту.

Расставшись с купцами, он первым делом отправился к Соколу. Заручиться помощью чародея, его молодого товарища Тарко и вурдов он посчитал половиной дела. Сколько уж им пришлось пережить вместе, из скольких опасностей без потерь выбраться.

Вурдов уговаривать не пришлось. Они сорвались, как спущенные с тетивы стрелы. Слишком долго продолжалась спячка. Застоялась кровь. Так что, едва заслышав о походе, мохнатые приятели принялись нарочито бренчать разнообразными крюками, ножами, путаться в верёвках, всячески показывая готовность выйти хоть прямо сейчас.

Сокол же даже слушать не стал. Отказался, сославшись на обещание быть на свадьбе Бориса в Нижнем. Рыжий и так и эдак уговаривал, напомнил, что всегда по первой же просьбе помогал чародею в его делах. На это Сокол отвечал, что и он готов помочь, но в дальнейшем плавание не пойдёт.

Так и не уломав старика, расстроенный Рыжий вышел за дверь. Раздалось ржание, и одолженная у Лапши лошадь унесла его в неизвестность.

Тем временем народ, прослышав о найме, принялся разыскивать Рыжего по всему городу. Но того и след простыл. Люди метались от корчмы к торгу и обратно, пока кто-то не предложил нагрянуть к виновнику прямо в логово. Дом осадили и долго галдели. Наконец, вышла Настя и, обругав всех за шум, сообщила, что муж уехал в Елатьму и будет только завтра.

Около сотни человек разошлись по посадам стайками, на ходу обсуждая, по каким достоинствам намерен Рыжий отбирать счастливицов. Одни напирали на силу и умение владеть оружием, другие полагали, что ушлый земляк по себе станет ватагу собирать. То есть, прежде всего, хитрых и умных пригласит.

Всё это брожение случилось к большому огорчению Тарона, который как раз теперь затеял набирать людей для своей новенькой ладьи. К нему никто не шёл, все надеялись попасть на сказочный корабль с пряностями.

Глава XII. Тарко

Тарко и Вияна ехали верхом бок обок и беспечно болтали, словно над тропой не нависали вековые деревья муромского леса, способного поглотить бесследно любого прохожего.

Четыре года – вполне достаточный срок, чтобы убедиться в серьёзности чувств. Так полагал Тарко. Отец Вияны, старый князь Ук, думал иначе. С тех пор когда, встретив друг друга в Муроме, они едва не перешли грань прежних дружеских отношений, и какое-то чудо, а может проклятье уберегло молодых людей от безумства любви, князь старался держать свою дочь подальше от юноши. Нет, с его уст не слетели слова отказа, он даже не слишком показывал недовольство, но Вияна последние четыре года неизменно отсылалась отцом в другую от парня сторону, а их редкие встречи проходили на глазах множества людей, когда приходилось взвешивать каждое слово.

Тарко казалось, что старый князь перегибает палку.

Но он понимал, в конечном итоге всё зависело от решения девушки. А как раз она-то и не стремилась внести ясность в их отношения. Уклончивость и двусмысленность стали её постоянными спутниками. Сколько уж раз превратно истолкованное слово вызывало у него смятение и бросало в смертельно опасные приключения. Он не совершал подвигов во имя девушки, как полагали его друзья, скорее пытался забыть чувством опасности невыносимую боль.

Неизвестность терзала юношу все эти годы. Он готов был принять любой ответ, лишь бы не изводить себя метанием от надежды к отчаянию.

И вот они оказались вдвоём. Поездка к брату Вияны Варунку в лесную глушь, где тот поселился с недавних пор, позволила им остаться наедине. Отправленный с ними Ворот простудился, слёг и остался на время у княжича.

Казалось бы, вот он – случай. Но Тарко вдруг оробел. За всю дорогу он так и не смог выдать из себя прямого вопроса. Страх окончательного крушения надежды оказался сильнее недавних терзаний неизвестности.

Они болтали о каких-то незначительных пустяках. Обсуждали отшельничество Варунка, и мнение на сей счёт старого князя. Вспоминали прежние времена, избегая, однако, касаться всего, что случилось между ними в Муроме. Говорили о битвах, походах и прочей ерунде...

Конец пути близился. Городские стены уже пару раз возникали перед глазами, когда лошадки взбирались на холм, а главный вопрос так и не прозвучал. Углубившись в себя и проклиная собственную слабость, Тарко всё чаще отвечал невпопад.

– Ты не слушаешь меня? – заметила девушка. – Что-то случилось?

Накопленные за четыре года страдания и сомнения прорвались протяжным вздохом. Внутренности завязались узлами страха. А затем хлынули слова.

– Не вынесу я больше этих мучений. День за днём, год за годом только и делаю, что жду. Получаю отговорки, ловлю какие-то намёки. Я устал, понимаешь?

Вияна покраснела. Остановила коня.

– О чём ты? – её голос звучал удивлённо.

Это было притворство. Она, конечно, догадалась, что именно волновало Тарко, но оставила ему возможность сделать шаг назад. Свести всё к беспричинному раздражению, какое порой возникает у каждого.

– О нас. Я говорю только о нас. И я бы хотел, наконец, услышать твёрдый ответ.

– Не напирай так, прошу тебя...

Она замолчала. Они уже въезжали в Мещёрск.

Город встретил их гамом сотен людей. Народ бродил по посаду и возбуждённо обсуждал новости.

Вияна охнула и, молча кивнув Тарко, помчалась в крепость. Беспокойство за отца стало удобным поводом избежать объяснений.

Тарко спешился и стоял посреди улицы с каменным лицом, переживая очередное крушение, пока людской шум не захватил его и не заставил вернуться в настоящее.

Взглянув на весёлые лица, Тарко понял, что Вияна волновалась напрасно.

– Что случилось? – спросил он знакомого горожанина.

– Наши за сокровищем собрались, – с охотой ответил тот. – Ромка людей лихих набирает. Между прочим, о тебе он особо спрашивал.

Вот кстати. Испытанное средство заглушить тоску.

Глава XIII. Артель

Богатеев в Мещёрске нашлось немного. Хоть хромой иноземец и сбавил цену, а набрать нужную сумму не получалось. До поздней ночи Ондруп с Чунаем людей обходили, но без толку. Выручил старый Ук. Узнав, что серебра сколько надо не набирается, пообещал покрыть недостачу. Утром в корчму заявился Лапша и, грохнув тяжёлым узлом по столешнице, разбудил спящих тут же головами на локтях купцов.

– Всю прибыль, какая будет, князь на оборону пустить решил. Обветшала крепость, починки требует.

Купцы глаза протёрли, оживились. Взялись подсчитывать наличность.

Лапша, заказав пива, уселся рядом. Обычно по утрам корчма пустовала, но теперь народ зачастил сюда в поисках новостей.

Первым после воеводы появился Тарко.

– Ромку не видели? – спросил он сидящих. – Говорят, искал он меня.

Купцы отмахнулись, занятые подсчётами. Лапша пожал плечами. Тарко сел рядом с воеводой и задремал, поднимая голову на каждый скрип двери. За час с небольшим народу набилось изрядно. Большинство, как и Тарко, искали Рыжего.

Лёгкок на помине, подоспел и Ромка. Из Елатьмы он вернулся не один. В корчму с ним вошёл бородатый парень, одетый в балахон из некрашеной толстины. Купцы узнали молодого волхва, который в прошлом году участвовал в битве с Мстителем.

– Вот, Ушан, с нами пойдёт, – заявил Рыжий. – Как у вас?

– Собрали, – радостно заверил Ондруп. – Сколько надо собрали. Можно начинать.

– Отлично.

Он отозвал Тарко и Ушана в сторону. Втроем они о чём-то переговорили, после чего оба товарища Рыжего вышли, а сам он вернулся к купцам.

Весть о том, что дело сдвинулось, облетела город за какой-нибудь час. Скоро в корчме было не протолкнуться от людей. Одних только пайщиков собралось две дюжины, а любопытные, да те, что надеялись попасть в наём, попросту не поместились в заведении. С подачи Рыжего составили грамоту. Неграмотным прочли вслух. Пригласив в свидетели Байборея и Лапшу, скрепили подписями.

Вывалив из корчмы, шумящей толпой поспешили на торг. Иноземец совсем измаялся в ожидании, пока неторопливые, как ему казалось, лесовики соберутся с покупкой. Видимо, своим помощникам он не вполне доверял, и отлучался от груза только по крайней нужде. Так и жил на торгу все эти дни. Завидев толпу, понял, что освобождение близится, вздохнул облегчённо и впервые за всё время улыбнулся.

Серебро пересчитали прилюдно. Передали гостю. Тот немедленно расплатился с подручными, свалил остальное в заплечный мешок.

Корабль свой побитый так и бросил догнивать на берегу. Даже уцелевшие снасти продать не попытался.

– Берите, кому что нужно, – махнул он рукой.

Пряности перенесли в дом Рыжего. Добровольцев тащить бочки искать не пришлось. Каждый норовил прикоснуться к драгоценному грузу, словно убогий к святым мощам. Верили, что начатое великое дело каждому из них удачу принесёт. И бочки несли, подобно ковчежцам в церковном шествии. Бережно и торжественно. Возле самого дома Рыжий было заикнулся об оплате за труды носильщиков, но на него зашикали, как на святотатца.

Разместив груз в подполе и оставив его под тайным надзором вурдов, Рыжий повёл толпу к Байборею обмывать сделку. Сюда же люди привели хромого купца и всех его корабельников. Теперь, когда между ними не стояли деньги и торговые споры, к гостям подобрили. Принялись рассказывать о себе, расспрашивать иноземцев. Те, хоть и освободились от спуда пряностей, говорили неохотно и всё больше о пустяках. Да и язык поначалу иноземцам давался с трудом по причине незнания, а затем уж так набрались, что и сами друг друга едва понимали.

Бывший хозяин груза выпивал осторожно, то и дело косясь на Рыжего.

Тот про обещание не забыл.

– Пошли, – сказал он купцу, как только за окнами стемнело, а гуляющий народ достиг той степени общения, когда галдел не слушая друг друга.

Под шум пьянки они прошмыгнули на хозяйскую половину. Там уже поджидала дочка Байборея Тоска. Она вывела беглецов задним двором на соседнюю улочку.

– Быстрее! За мной! – шепнул Рыжий.

Он потащил купца в закоулок, что заканчивался небольшим овражком, отгороженным плетнём. Быстро у хромого не получилось, но за плетень он отскочить успел, прежде чем в переулке показался незнакомый парень.

Он ступал медленно, то и дело оглядываясь по сторонам. Но убежище, присмотренное Рыжим загодя, надёжно укрывало от чужих глаз.

Скоро ужами в овраг проскользнули вурды.

– Два человека возле корчмы вертелись. Не здешние, – доложил Власорук и кивнул на парня. – Этот один из них.

– Может, его того? – Быстроног стукнул себя кулаком по макушке.

Рыжий подумал и решил, что не стоит.

– Ушан отвлечёт их. А вы лучше возвращайтесь к дому и присмотрите за грузом.

Он сейчас не столько опасался за пряности, сколько за жену и сына.

Так ничего и не высмотрев в темноте, чужак убрался восвояси. С противоположенной стороны корчмы послышался короткий вскрик – молодой волхв взялся за дело.

– Пора! – шепнул Рыжий купцу, и повёл его овражком к окраине города.

Тарко поджидал их на опушке, держа в поводу трёх лошадей.

Особыми тропками не пользовались, но благодаря знаниям Тарко и в особенности одолженным у овд лошадам, даже по ночной дороге скакали, словно под ярким солнцем. Уже к полудню миновали Чёрный лес и вышли к московским пределам. Там и расстались.

– Ну, вот, – заявил Рыжий. – От известных опасностей мы тебя избавили.

Он вздохнул. Сокол накануне поделился с ним подозрениями, какие возникли во время досмотра груза, а потому Рыжий добавил:

– Если не утаил ты от нас ещё чего-нибудь важного...

Иноземец нахмурился, хотел было что-то сказать, но потом передумал.

– Спросишь немца, что Бергом зовут, – напутствовал Рыжий. – Скажешь ему, мол, Камчук прислал. Он меня под этим именем помнит. Попросишь, чтобы к поезду тебя пристроил или к кораблю. Монетку за хлопоты дашь. Но кроме купца этого, никому обо мне не проговоришься. Не только приятелей я в Москве оставил. Неприятелей, пожалуй, больше будет.

Гость поблагодарил, попрощался, по иноземному обычаю пожав людям руки.

Вернувшись в город, Рыжий с удвоенным рвением взялся за подготовку похода. Он осматривал корабль Ондропа, указывал, что следует починить, покупал снаряжение, провизию, сколачивал ватагу. Кроме того, успевал одним глазом присматривать за грузом, другим – за ошивающимися в городе подозрительными парнями. Он не досыпал, почти не видел семьи, но справлялся вполне.

В заведении Байборея, давно превращённом в сосредоточие всего предприятия, он устраивал смотр наёмникам. Два десятка людей отбирал из сотни желающих. Самых лучших отбирал. Многие из дружины княжеской хотели с купцами уйти, но на этот раз Ук проявил твёрдость, строго настрого запретил Лапше своих воинов отпускать. Так что отбор шёл из ополченцев, из которовских бойцов, из купеческих охранников, хороших охотников... С каждым Рыжий подолгу разговаривал, выясняя, кто и на что годится. Большинству отказывал. Возьмись за дело кто другой, обид было бы не избежать. Но Рыжий умудрялся отказывать так, что не прошедшие отбора оставались друзьями и зла не таили.

В корчму устало ввалился Тарон. Заказал пива и, присев возле Рыжего, стал угрюмо потягивать из кружки. Дело у него совсем зависло из-за лихорадки всеобщей. Никто на обычное судно идти не желал, хотя плату Тарон предлагал не меньше артельщиков.

– Вот же как не вовремя вы со своими пряностями вылезли, – сетовал он. – Мне спешить надобно. Когда молодой мёд пойдёт, кому мой товар нужен будет? Я же не зря тебя с корчагами торопил, а тут вон какая задержка вышла...

– Посуду завтра можешь забрать, просохла уже, – Рыжий вдруг подмигнул купцу. – Что до людей, уступлю, пожалуй, по старой дружбе несколько человек. Всех мне всё одно не взять.

Отойдя в сторонку, он переговорил с парнями, которых только что отобрал для себя. К удивлению обитателей корчмы, уговорил быстро. Те собрались и отправились вместе с обрадованным купцом.

Заглядывал в корчму и Сокол. От своего обещания он не отказался. Помогал, чем умел. Переговорив с Рыжим, сходил куда-то вверх по Оке. Когда вернулся, долго шептался с Ушаном.

Памятуя о подозрениях чародея, Рыжий решил расспросить иноземных корабельников. Те после ухода хозяина пропивали заработанное серебро с такой спешкой, будто боялись, что его вот-вот отберут. Но, несмотря на страхи, все четверо как воды в рот набрали. Даже крепкая брага языков их не развязала.

А следующим утром трое из них вовсе ушли из города.

Раздумывать о причинах такого молчания и поспешного бегства времени у Рыжего не нашлось. Дело близилось к завершению. Корабль готов к отплытию, ватага понемногу собралась.

Не всех новобранцев Рыжий показал Ондропу с Чунаем.

– Для шестерых у меня особое дело будет, – объявил он. – Лучше, чтобы пока не знал про них никто.

– Что за дело? – спросил Ондроп.

– Тайное, – пояснил Рыжий. – Не думаешь ли ты, что мы двумя дюжинами охраны от любого лиха уберёмся? Шайки иногда и по несколько сотен встречаются. Тут и княжеские мечники не спасут.

– Ладно, делай, как знаешь, – буркнул купец.

– Золотые слова, – хмыкнул Рыжий.

Чунай улыбался.

Глава XIV. Поход

Наконец, начальники решили, что сделано достаточно. Стараясь избежать лишнего шума, отплытие назначили на раннее утро. Куда там! Город прознал, и с рассветом, к большому неудовольствию Ондропа, на берегу собралась внушительная толпа.

Купеческую ватагу провожали, словно отборную дружину на решающую битву. Всем вместе и каждому в отдельности желали успехов, подбадривали тычками и хлопками в спины. Люди и вурды один за другим поднялись на корабль. Не было только самого Рыжего и нескольких парней, каких он отрядил для тайного дела.

Ондроп всё больше беспокоился.

Неожиданно на корабль поднялся Сокол.

– И ты с нами?! – обрадовались купцы.

– Нет, – ответил Сокол. – Провожу немного и вернусь.

– Жаль, – вздохнул Ондроп. – А Ромку не видел?

– Вон он, – указал Сокол на соседнюю ладью.

Оказывается, Рыжий перед отходом решил проведать Тарона. Взглянул на свои корчаги, спросил купца, доволен ли тот работой, и поспешил на корабль Ондропа.

Теперь, не считая Сокола, здесь собрались шестнадцать человек и два вурда.

– Где остальные? – вновь обеспокоился Ондроп.

– Я отправил их вперёд, – пояснил Рыжий. – К вечеру встретимся.

Кадомского купца не успокаивали сейчас никакие заверения. Он пребывал в том состоянии, какое обычно возникало у него перед опасным предприятием. В состоянии, близком к помешательству.

Тем временем вурды разглядывали провожающих.

– Вон та рожа мне совсем незнакома, – заметил Власорук, показывая в толпу. – Не встречал я его в Мещёрске.

– Сущий головорез, – подтвердил Быстроног. – Не иначе, шайка какая-то о выходе нашем пронюхала. Ох, чую, будет сшибка! Ещё до полудня будет.

Вурды зловеще играли ножами. Ондроп по-прежнему хмурился, Чунай, как всегда, хранил спокойствие. Рыжий улыбался, взглядом отыскивая в толпе Настю. Сокол шептался о чём-то с Ушаном. Тарко дремал. Все прочие сели на вёсла.

– Ну с богом, – напутствовал Рыжий.

Настя провожать не пришла. И хотя он сам попросил её остаться дома, неприятный осадок на душе остался.

Добровольцы из горожан спихнули корабль в воду, он развернулся, и, вспоров вёслами гладь, неспешно двинулся против течения.

Парус не ставили – с самого рассвета даже намёка на ветер не появилось. Ока отражала небо без малейшего искажения. Казалось, она застыла, передумав куда-нибудь течь. Лишь вдоль берегов подтопленные деревья и кусты нарушали совершенную гладь разводами, и река там еле слышно журчала.

Гребцы старались класть вёсла мягче, не тревожа понапрасну серебристую поверхность реки. Их рабочая песня звучала приглушённо, вполголоса. Остальные молчали. Вглядываясь в побелённые туманом берега, размышляли о предстоящем походе. Никто

не надеялся на лёгкую прогулку. И всё же, созерцая умиротворённую природу, трудно было уверовать в грядущие опасности.

Они отошли от города не дальше десяти вёрст, когда начались неприятности. Среди деревьев на мещёрской стороне показались люди. Они тащили к берегу узкие и длинные лодки и отчаянно ругались. Видимо, разбойники проворонили корабль и теперь вместо того, чтобы выйти наперерез, им предстояло догонять добычу...

– Ходу! – распорядился Рыжий. – Налечь на вёсла!

Всё же неплохую ватажку он собрал. Спокойно, без суеты люди разобрались по местам. Свободные от вёсельной работы достали луки, натянули тетиву, вурды вновь принялись вертеть ножи. Излишне возбуждён был только Ондроп, но он правил кораблём и был слишком занят этим, чтобы нарушить общее настроение.

Лодки разбойников плюхнулись в воду и шустро устремились в погоню. Выстрелив первым, Тарко подранил одного из лиходеев. Тот вывалился из лодки, но пользуясь близостью берега, спасся. Не имеющий по причине безветрия работы парусный старшина Лоч также взялся за лук.

Преследователей жиденькая стрельба не напугала. Сидящие на носу достали щиты и прикрыли гребцов. Узкие лодки рыскали по сторонам от неслаженной их работы, но быстро настигали корабль.

Тарко попытался выцелить разбойника, поймав миг, когда лодка забирает в сторону, и щит не может прикрыть всех.

– Не трать понапрасну стрелы, – остановил юношу Сокол и показал кивком на Ушана.

Тот притащил на корму большую корзину. Вурды через плечо волхва наблюдали, как он осторожно снял плетёную крышку, переложил на настил лежащую сверху траву. Мохнатые приятели надеялись обнаружить что-то особенное, несущее погибель врагу, и немало удивились, увидев под травой обыкновенные листья. Большие мясистые, похожие очертанием на листья кувшинки, но размером с добрый лопух.

– Хм, – произнёс Власорук. – Разве что они ядовитые и осталось только изловить негодеёв, да затолкать по куску в каждую глотку.

Ушан перегнулся через край и, погрузив ладонь в воду, пустил лист в плаванье. Его понесло течением навстречу разбойникам. Молодой волхв принялся пускать свои странные пловуны один за другим. Стайка зелёных листьев хорошо различалась на водной глади. Зелёных? Нет. Листья желтели на глазах, их края подсыхали, съёживались, заворачивались внутрь.

– Вот же осень какая образовалась, – заметил вполголоса Быстроног.

Неожиданно лист, что опущен был первым, резко ушёл под воду, словно его цапнула из глубины огромная рыбина. Поначалу на этом месте расходилась только обыкновенная рябь, но вдруг вода двинулась, закружилась всё быстрее и быстрее и, наконец, превратилась в мощную заверть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.